

Природа и архитектура, на фоне которых разворачивались величайшие события в истории Англии, буквально завораживают Дженкинса, и его восхищение передается читателю.

The Times

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АНГЛИИ

САЙМОН ДЖЕНКИНС

Саймон Дженкинс
Краткая история Англии

«Азбука-Аттикус»

2012

УДК 94(420)
ББК 63.3(4Вел)

Дженкинс С.

Краткая история Англии / С. Дженкинс — «Азбука-Аттикус»,
2012

История Англии окутана для нас дымкой приключенческих романов и исторических фильмов. И эта книга, повествующая об основных вехах в истории державы, некогда владевшей огромными территориями, пережившей множество потрясений, религиозный раскол, революции, две мировые войны, читается как захватывающий роман. Сэр Саймон Дженкинс, член Королевского литературного общества, журналист и автор нашумевших книг по истории и архитектуре, написал ее с любовью и знанием дела, основываясь на богатом документальном материале. Исторически точное повествование не стало от этого менее увлекательным. «Краткая история Англии» вместила удивительно много бурных событий, предопределивших ту уникальную роль, которую сыграла эта страна в истории Европы да и всего мира.

УДК 94(420)
ББК 63.3(4Вел)

© Дженкинс С., 2012
© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

Введение	6
Саксонский рассвет	9
Рождение Англии	13
Викинги	17
Вильгельм Завоеватель	22
Потомки Вильгельма Завоевателя	27
Генрих II Плантагенет и Бекет	31
Великая хартия вольностей	35
Генрих III и Симон де Монфор	38
Усмирение кельтов	42
Столетняя война	47
От крестьянского восстания до потери Франции	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Саймон Дженкинс

Краткая история Англии

© Simon Jenkins, 2011, 2012

© Мельницкая И., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015
КоЛибри®

Введение

Я странствовал по Англии всю жизнь. Взбирался на утесы Корнуолла, бродил по болотистым равнинам Норфолка и Пеннинским горам. Я исследовал большие и малые города Англии, ее церкви и жилые дома. Но, несмотря на это, до недавних пор я по-настоящему не знал свою страну, потому что не имел понятия, как она возникла. Англия, как я ее представлял, была своего рода географическим фоном для знакомых с детства событий и персонажей. Я много раз слышал об Альфреде Великом, Нормандском завоевании, Великой хартии вольностей, битве при Азенкуре, женах Генриха VIII, королеве Елизавете, Кромвелле, Гладстоне, Дизраэли, Первой мировой войне, Уинстоне Черчилле... Каждое событие, каждая фигура олицетворяли собой в отдельности какой-то знаменательный момент своего времени, но связи между ними не было – не хватало общего повествования.

Я решил восполнить этот пробел и сделать это как можно проще. Мне помогло то, что задача оказалась чрезвычайно увлекательной. История Англии состоит из череды триумфов и трагедий. Трудно найти другую страну, в прошлом которой было бы столько драматических событий. Начало этой истории лежит в далеком Средневековье, а может, и раньше – в тех временах, когда германские племена, нахлынувшие с континента, захватили восточное побережье Британских островов. Пришельцы принесли с собой имя *Anglii*, возможно происходящее от слова «angle» (угол) – здесь, очевидно, подразумевались очертания береговой линии Германии и Дании. Занятая англами территория получила название *Angle-land*, позднее превратившееся в *England*. Пришельцы быстро вытеснили прежнее население этих мест, так называемых древних бриттов, дальше на север и на восток, за Адрианов вал, на Уэльскую возвышенность и к Ирландскому морю, определив границы Англии, которые с тех пор, по сути, почти не изменились.

Англы, в свою очередь, подверглись нападениям викингов и норманнов. Но, в отличие от своих предшественников-бриттов, пережив все последующие вторжения, они сохранили язык и англосаксонскую культуру. Они оказались поразительно стойкими: в этом англам помогла география – они жили на острове, а также отвага и предприимчивость, часто свойственные мореплавателям. У населения островов быстро выработались общий язык, общие законы и общая система правления, сложившиеся в борьбе между характерной для англосаксов автономией родственных кланов («*kith and kin*» autonomy) и нормандской традицией централизованного управления. Эти напряженные отношения стали лейтмотивом моего повествования. Английская нация сформировалась между молотом и наковальней: молотом монархии и наковальней народной воли и согласия – согласия, постоянно нарушаемого, по крайней мере кельтской половиной Британских островов, вошедшей в первую «Британскую империю». Эти конфликты привели к принятию Великой хартии вольностей, баронским войнам Генриха III и крестьянскому восстанию Уота Тайлера, достигли кульминации в религиозном и политическом противостоянии при Тюдорах и Стюартах и в конечном счете привели к возникновению конституционной монархии, которая оказалась самой стабильной в Европе.

История Англии отнюдь не всегда была счастливой. Отношения с Францией, откуда в свое время пришли нормандские завоеватели, складывались не лучшим образом: взаимная вражда не угасала в течение всего Средневековья и снова обострилась в XVIII в. Большинство британских правителей сознавало, что по отношению к внешнему миру следует придерживаться позиции скорее оборонительной, чем наступательной. Но от первых королей Англии, Плантагенетов, до Уильямов Питтов, старшего и младшего, возглавлявших кабинет министров в конце XVIII в., стремление к захвату заморских территорий практически не ослабевало. Оно привело к тому, что Великобритания превратилась в огромную империю, каких еще не видел мир. Это не только принесло ей необычайную славу, но и, в свою очередь, сплотило население

Британских островов в спаянное общими стремлениями Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии – наследие, которое живо по сей день.

Но имперское величие досталось дорогой ценой, и просуществовала Британская империя только 200 лет. В XX в. владычество над миром перешло к ее юному отпрыску, США, а империя оставила после себя, как след прибора, язык, на котором сегодня говорит чуть ли не полмира. Потеряв колонии, Великобритания превратилась в пережиток мировой державы – сегодня ее суверенитет ограничен общеевропейским правительством и требованиями мировой экономики. К этой теме я еще вернусь в эпилоге.

Эта книга посвящена только Англии. Я рассматриваю Уэльс, Шотландию и Ирландию как отдельные страны, каждая из которых имеет свою собственную историю. Менее половины своего существования они были составными частями союза «Великобритании и Ирландии» – тесного объятия, стремившегося втиснуть их в то, что принято считать общей историей Британских островов. Но Англия существует и сама по себе, она не похожа на своих соседей, и люди, населяющие ее, называют себя англичанами, в отличие от шотландцев, валлийцев или ирландцев. Когда я имею в виду их всех вместе взятых, я пользуюсь терминами «Британия» и «британцы». В настоящее время Англия является, по сути, частью двух объединений – с одной стороны, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, с другой стороны, Евросоюза – с разными законодательными органами и разными уровнями суверенитета. Быть британцем и быть европейцем – значит, в соответствии с законом, быть членом одного из этих объединений, а стать британцем – значит просто подписать определенный документ. Но быть англичанином – значит обладать определенным самосознанием, идентифицировать себя с конкретными культурой, мировоззрением, географическим пространством. Стать англичанином – значит ассимилировать соответствующие представления, на что может потребоваться несколько лет, а может, и несколько поколений. Особенность этой идентичности заключается в том, что англичанами могут стать люди разного происхождения, даже принадлежащие к разным расам, но они должны исповедовать одну культуру – культуру, присущую территории, которую когда-то заняли англосаксы.

Англичане никогда не умели толком описать, что они собой представляют. Во времена имперского величия и самонадеянности они не ощущали в этом необходимости. Сегодня большинство из них считают, что отличаются от других европейцев, но и со своими соседями-кельтами они не вполне себя отождествляют. Англичане вели войны, усмиряя Уэльс, Шотландию и, с особой жестокостью, Ирландию. В начале XXI столетия оказалось, что большая часть Ирландии отделилась совсем, а Шотландия и Уэльс отделились наполовину – культурно и политически. Таким образом, Англия как часть Соединенного Королевства осталась в какой-то странной, анемичной изоляции. У нее нет своего парламента, нет сколько-нибудь значительных политических организаций. Если об Англии и англичанах говорят как о чем-то самостоятельном, отличном от Великобритании и великобританцев, это часто рассматривается как проявление враждебности по отношению к самой идее союза и отказ от космополитизма, лежащего в его основе, чуть ли не как проявление расизма. Английский флаг Святого Георгия приобрел легкий оттенок шовинизма и ксенофобии. Я считаю, что это абсурд. Англия имеет право на самоопределение и может собой гордиться. Полагаю, что этот процесс должен начаться со связного изложения ее истории.

Для некоторых история – это цепь случайностей, другие считают, что историю делают герои и злодеи, третьи сводят ее к географии, экономике и даже антропологии. Историю нации можно рассказывать по-разному. Сейчас стало модным делать это субъективно, высказывая спорные суждения. Есть, наконец, истории социальная, культурная, «популярная» или, как в случае Англии, имперская. Но краткая история может быть только избирательной, и мой выбор в основном будет ограничен событиями политическими. Нация есть некое политическое единство, политический организм, чье зарождение и развитие определяются людьми, будь то

монархи, солдаты, политики, уличная толпа или, ближе к сегодняшним дням, масса избирателей. Я рассматриваю историю как нечто большее, чем простая последовательность событий; для меня это цепь причинно-следственных связей. Именно в этой цепи и заключается секрет того, как Англия стала тем, что она есть сегодня.

Саксонский рассвет 410–600 гг

В 410 г. римский император Гонорий, борющийся с вторжениями варваров, послал письмо колонистам в провинцию под названием Британия. Легионы, которые охраняли эту провинцию, были отозваны и уже на протяжении полувека защищали империю в других местах. Колонисты обратились к императору с просьбой о помощи: на них неоднократно нападали саксы, переправлявшиеся на остров через Северное море. Но императора тогда сильно беспокоили вестготы, а далекая колония где-то на краю света не имела стратегического значения. Господствующая на протяжении целого тысячелетия средиземноморская цивилизация отступала по всем фронтам. Гонорию было не до колонистов, и он кратко советовал им самим позаботиться о своей защите: «самим предпринять необходимые меры».

V и VI вв. на Британских островах были воистину темными столетиями. Население, состоявшее из кельтов железного века, так называемых древних бриттов, переселившихся с континента в X–VI вв. до н.э., за три столетия после Рождества Христова смешалось с римскими завоевателями. Но с уходом легионов оказалось, что островитяне недостаточно сильны, чтобы защитить себя и оставшиеся им в наследство виллы, храмы и театры. Они не могли противостоять набегам и вынуждены были просить защиты у императора.

Откуда же пришли новые завоеватели? Историки, пытающиеся определить, как и когда «родилась» Англия, расходятся во мнениях о том, что происходило на восточной половине Британских островов. Согласно одной теории, германские племена, двигавшиеся на юг, в сторону Франции, были остановлены Хлодвигом и вынуждены пересечь Северное море. Их нашествие, возможно поддержанное римскими наемниками, задолго до них осевшими в Британии, носило, по существу, характер геноцида. Они истребили или подчинили себе местные племена бриттов в Восточной Англии, иценов и триновантов, и полностью уничтожили их культуру.

В пользу этой теории говорят несколько исторических свидетельств. Сохранилась рукопись VI в., в которой валлийский (возможно, просто живший на западе острова) монах по имени Гильда Премудрый горестно описывает страшное, в прямом смысле огненное нашествие: «...От моря до моря пылание огня, поднятого рукою восточных святотатцев, опустошив некоторые пограничные города и поля, не утихло, покуда не слизало, выжигая жутким алым языком, почти что всю поверхность острова до западного океана». Гильда цитирует документ V в., так называемые «Соны бриттов» (*Agitio ter consuli gemitus Britannorum*), повествующий о Британии, лишившейся защиты Рима: «...варвары гонят нас к морю, а море гонит нас назад к варварам». В конце VII в. «отец английской истории» Беда Достопочтенный в «Церковной истории народа англос» (*Historia ecclesiastica gentis Anglorum*) также говорит о геноциде. По его словам, вторжение англос было настолько разрушительным, что германские поселения совершенно обезлюдели. От прежней культуры почти не осталось следа. Исчезли язык бриттов и римско-христианская религия. Построенные римлянами на Британских островах виллы и города были разрушены или сожжены.

Согласно другой теории, вторжения извне не было – скорее имела место внутренняя экспансия, поскольку восточная часть Британии была заселена германцами и белгами, которые занимались торговлей и время от времени – набегам на берега Северного моря. Недавние исследования ДНК, полученной из археологических останков, подтверждают мнение, что море вокруг Британских островов представляло собой «судоходную территорию», в то время как на самих островах население смешивалось меньше. Таким образом, Британские острова, когда оттуда ушли римляне, оказались разделены: на побережье Северного моря в течение нескольких столетий жили германские, а на побережье Ирландского моря и Атлантики преобладали

кельтские языки и кельтская культура. Сторонники этой теории утверждают, что на восточном побережье было совсем мало «древних бриттов», или кельтов, так что уничтожать было практически некого. Этим объясняется ничтожное количество следов языка бриттов в английской топонимике и современном английском языке. Но как тогда объяснить неоднократные упоминания о вторжениях из-за моря и непоколебимую уверенность кельтов в том, что они действительно имели место? Примирить две теории возможно, если допустить, что каждая справедлива частично и что после ухода римлян прибывали новые волны германских поселенцев, которые увеличивали численность ранее существовавших германских анклавов.

Так или иначе, кажется ясным, что в течение V и VI столетий народ, чей язык и общественное устройство были принесены с Европейского континента, агрессивно продвигался с восточного побережья на запад, через Римскую Британию, уничтожая и подчиняя себе местных бриттов. По свидетельству Беды Достопочтенного, в этом продвижении участвовали племена ютов, фризов, англов и саксов. В древневаллийском, гэльском и корнском языках англичан в то время называли «Saeson», «Sassenach» и «Sawsnek». Около 450 г. юты под командованием братьев Хенгиста и Хорса, возможно бывших наемников кельтского правителя Вортигерна, высадились в Кенте и расселились на территориях вплоть до острова Уайт. Примерно в то же время англбы прибыли из «угла» (angle), с побережья Германии, где сегодня находится земля Шлезвиг-Гольштейн. От названия этого племени образовался топоним East Anglia (Восточная Англия) и позднее Англия (England). Саксы из Северной Германии расселились вдоль южного побережья и в бассейне Темзы, эти регионы и по сей день называются Эссекс, Миддлсекс, Уэссекс и Сассекс – восточная, средняя, западная и южная территории саксов соответственно. Население этих регионов именуют саксами, а их язык – англосаксонским. Самый сильный аргумент, выдвигаемый сторонниками «теории вторжения», заключается в том, что на территории, оккупированной язычниками-саксами, не осталось никаких следов принесенного римлянами христианства, зато в Уэльсе, наоборот, в то время был настоящий его расцвет – «век святых». Десятки церквей Уэльса были построены в VI и даже V столетии. Древнейший кафедральный собор Великобритании в валлийском Бангоре первый архиепископ Даниил Уэльский начал строить в 525 г. Почти в то же время в Корнуолле проповедовал святой Петрок, а святой Колумба прибыл из Ирландии в шотландские земли, где в 563 г. основал на острове Айона монастырь.

Гильда Премудрый повествовал не только о страданиях, которые саксы причиняли бриттам, но и о сопротивлении бриттов. В 540-х гг. он описывает мирный период жизни в долине реки Северн, когда наступление саксов было остановлено в западной части страны. Гильда приписывал эту заслугу вожаку бриттов, одержавшему победу над саксами на рубеже VI в. на Бадонском холме, возможно, недалеко от крепости Южный Кэдбери в Сомерсете. Единственный военачальник, имя которого он называет, – Амброзий Аврелиан, полубритт-полуримлянин, родившийся в конце V в., который «в нескольких сражениях одержал победу, а в некоторых потерпел поражение». Быть может, у него было прозвище Медведь, так как он носил в походах медвежью шкуру. По-кельтски «медведь» – artos.

С этим проблеском света во мраке прошлого тесно связана история, которая, возможно, привела к созданию известной легенды о «короле Артуре». К Гильде восходит легенда, которая позже появилась у валлийского проповедника-миссионера IX столетия Ненния, а затем у писателя XII в. Гальфрида Монмутского, чья фантазия создала значительную часть образов североевропейской рыцарской культуры. В XV столетии из всего этого возник необычайно популярный свод рыцарских романов Томаса Мэлори «Смерть Артура» (*Le Morte d'Arthur*). После Мэлори эту тему использовали Альфред Теннисон, прерафаэлиты и, наконец, Голливуд. Все они описывают «Святой Грааль», мифический рай до прихода саксов, замок Камелот, волшебника Мерлина, множество рыцарских подвигов и, в конце концов, душераздирающую

трагедию. Бритты, саксы, норманны и Тюдоры – все они, словно замороженные неодолимым магнетизмом чистого, благородного рыцарского прошлого, считали короля Артура своим.

Если мирный период, описываемый Гильдой, и существовал в действительности, длился он недолго. К концу VI столетия саксы уже расселились по долине реки Северн, и будущий валлийский святой Беуно Клинногский писал, что «с противоположного берега были слышны голоса людей, говорящих на незнакомом языке». Святой опасался, что когда-нибудь чужаки «завладеют этим местом и оно будет принадлежать им». Однако, в то время как саксы оккупировали долины больших рек, впадающих в Северное море, бритты оставались в Шотландии, Ирландии, Уэльсе, Корнуолле, Камбрии и на территории нынешней Северной Англии и Южной Шотландии. К этому времени язык кельтов разделился на две группы: гойдельские (ирландский, гэльский и мэнский) и бриттские (кумбрийский, валлийский и корнский) языки. Примерно в это время или несколько раньше состоялось и переселение бриттов из Корнуолла через Ла-Манш в Арморику (Франция). Здесь Roman Britannia (Римская Британия) снова превратилась в Brittanu (Бретань), с бретонским языком, дальним родственником современного валлийского языка.

К концу VII в. саксы стали объединяться, появились первые правители – короли. Первым, кто отличился в истории, был Этельберт, король Кента, правивший с 580 г. до самой своей смерти в 616 г. Этот язычник укрепил союз с франками, жившими на противоположном берегу Ла-Манша, женившись на внучке короля Хлотаря I Берте. По условиям заключения брака Берта сохранила христианское вероисповедание. Она привезла с собой капеллана и, по слухам, посещала службу в восстановленной старой римской церкви Святого Мартина в Кентерберии. Вероятно, поэтому папа римский Григорий I впоследствии послал первых христианских миссионеров во главе с Августином Кентерберийским именно в Кент.

В это же время Нортумбрию на севере объединил под своей властью великий воин Этельфрит, король Берниции (593–616), расширивший границы территории, населенной англосаксами за счет бриттов. Историю северобриттского племени гододин, которое укрепилось на Эдинбургской скале, описал бард по имени Анейрин в сказании «Гододин» (Y Gododdin), первом великом произведении британской (в отличие от английской) литературы. Эта сага повествует о том, как армия, состоявшая из трехсот воинов, с Минидогом во главе двинулась на юг, навстречу Этельфриту. Бой состоялся в Йоркшире, под Катриетой (Каттериком), примерно в 600 г. Вот что писал Анейрин об одном бриттском солдате:

Мальчик по годам, но зрелый муж по силе
И воинской доблести...
Он рвался не на свадьбу,
А на кровавое поле битвы —
Скорее на пиршество воронов,
Чем на погребение.

Тем не менее племя гододин было стерто с лица земли, и только Анейрин избежал гибели, чтобы написать эту сагу. Его поэма известна в переложении на средневековый валлийский, но ученые считают, что оригинал был создан на кумбрийском языке племен, населявших север Британии (правда, в таком случае все указатели в Эдинбургском аэропорту следовало бы сегодня делать не на гэльском языке, а на валлийском).

Дальше для бриттов настали еще худшие времена. В 603 г. шотландско-ирландская армия из королевства Далриада, которое занимало берега Ирландского моря от Аргайла до Антрима, сошлась с тем же Этельфритом в сражении при Дегсастане, предположительно недалеко от городка Роксбурга. Здесь нортумбрианцы снова одержали победу и затем двинулись на юг, вдоль западного побережья, громя валлийцев. Около 615 г. вблизи основанного еще

римлянами старого города Каэрлегион (современный Честер) Этельфрит натолкнулся на 1200 валлийских монахов-христиан и безжалостно их уничтожил, «потому что они оказывали ему сопротивление своими молитвами». Далее он разгромил основные военные силы Уэльса и расширил свои владения до берегов реки Ди. Аглосаксу Беде, писавшему свою историю столетием позже, Этельфрит представлялся истинным основателем Нортумбрии, «который теснил бриттов сильнее, чем все прочие правители англов. Поистине, его можно сравнить с Саулом, царем Израиля, с той лишь разницей, что Этельфрит не был знаком с истинной верой. Ни один другой правитель или король не подчинил народу англов больше земель; эти земли он заселил, изгнав или подчинив их жителей»¹.

Территория саксонской Англии начинала приобретать определенные очертания: к югу от Адрианова вала и на восток от реки Северн и Девоншира. Отдельные поселения древних бриттов сохранялись на Пеннинском нагорье и в таких местах, как Элмет в Западном Йоркшире, захваченном в 627 г., но остальная Англия ни в коей мере не представляла собой государство. Ушедших римлян не заменила никакая другая власть – ни власть короля, ни власть церкви. Если и были какие-то правители, то ими оказывались военачальники, которых христиане-кельты на востоке считали темными, безграмотными мародерами-язычниками. Англосаксы селились чаще в низинах, чем на нагорьях; они привыкли жить и сражаться на широких равнинах Северной Европы. Они умели рубить деревья, пользоваться плугом, глубоко разрезавшим мягкую почву, и каменистые возвышенности останавливали их и ставили в тупик. Земля здесь была менее плодородна, да и с бриттами, возможно, было тяжелее справиться. Поэтому завоевательный пыл как-то охладевал по мере того, как завоеватели продвигались на запад.

Основой существования для англосаксов была верность семье, своему селению и клану, что выражалось в формуле «kith and kin» (друзья и родня), производной от «south and know» (приятный и знакомый, отсюда uncouth – грубый). Главные решения принимал не далекий король со своим двором, эти решения принимались в общинном помещении в центре поселка, где свободные земледельцы, керлы, присягали на верность своим вождям. Члены общины обязаны были нести воинскую службу и оказывать гостеприимство местным вождям-олдерменам и подчинявшимся им тэнам, а те, в свою очередь, должны были обеспечивать защиту жизни и земель своих подданных. Присяга укрепляла связь между членами рода, теми, с кем были общие корни, с кем вместе обрабатывали землю. Это договорное «согласие с властью», в отличие от племенной организации у бриттов или герцогского правления у норманнов, более поздние законодатели называли «обычаем, существовавшим с незапамятных времен». Этот «обычай» достиг апогея в своем развитии, когда наиболее выдающиеся граждане оказались представлены в так называемом витенагемоте, или витане, совете старейшин при короле, – что, по сути, являлось примитивным прообразом парламента. Викторианские романтики называли все это смутным саксонским эхом греческой демократии.

¹ «Церковная история народа англов» Беда Достопочтенного здесь и далее цитируется в переводе В. Эрлихмана.

Рождение Англии 600–800 гг

В 596 г. папа римский Григорий заметил на римской базарной площади двух белокурых рабов и спросил, откуда они. Услышав, что они «Angli», он, по свидетельству Беды Достопочтенного, заметил: «Non Angli sed angeli» (Не англй, а Божьи ангелы). Британия была в то время забытой колонией на дальней границе Франкской империи, занимавшей значительную часть территории современных Германии и Франции. Папа был ревностным миссионером: он послал монаха Августина, будущего архиепископа Кентерберийского, ко двору языческого короля Этельберта и его жены, франкской христианки Берты. Высадившейся на остров Танет в 597 г. миссии Августина, которая состояла из сорока монахов-бenedиктинцев, приказано было соблюдать осторожность из опасения, что язычники примут их действия за колдовство.

Успешность проповеднической миссии Августина подтверждает тот факт, что Этельберт принял крещение и в 602 г. подарил бенедиктинцам участок земли в Кентербери для строительства нового собора. Августин стал первым архиепископом в истории Англии, а Этельберт принял первый свод из девяноста законов, в котором даровал привилегии христианской церкви. Кстати, это был первый документ, написанный на англосаксонском языке. На следующий год Этельберт и Августин попытались договориться с главами христианской валлийской церкви из Бангора и других мест, встретившись с ними в долине реки Северн. Валлийцы служили литургию, унаследованную от римлян, по-кельтски, преобладающую роль у них играли монастыри; у них был свой календарь церковных праздников, свои обычаи покаяния и своя форма тонзуры – они брили лоб, а не макушку. Стороны так и не пришли к соглашению, не помог даже авторитет Рима. Рассерженный Августин якобы сказал: «Не хотите мира с друзьями – будет вам война с врагами». И с пустыми руками вернулся в Кент.

Тем временем король Редвальд (около 600–624) из Восточной Англии расширял свои владения в Центральной Англии и создавал государство, которому предстояло стать королевством Мерсия. О Редвальде редко вспоминают, разве что в связи со знаменитым курганным некрополем Саттон-Ху, который раскопали в Саффолке в 1939 г., обнаружив захороненного в погребальной ладье короля и сокровища, в настоящий момент находящиеся в Британском музее. Клад включает серебряную посуду и драгоценные украшения византийского и египетского происхождения, великолепные меч и шлем с берегов Рейна. Этот клад Саттон-Ху говорит о космополитическом характере цивилизации, которая пока остается для нас загадкой.

Когда умер король Этельфрит, проклятие бриттского королевства Гододин, королем Нортумбрии стал Эдвин (616–633), прошедший со своей армией всю Мерсию до самого Кента. Разгромив западных саксов, он вернулся в Йорк, прихватив с собой не только христианку Этельбургу, дочь короля Кента Этельберта, но и католического монаха по имени Паулин, который в 627 г. окрестил самого Эдвина и его тэнов, а позднее заложил Йоркский собор. Один из тэнов якобы рассказал Эдвину притчу о воробье, залетевшем в зимнюю пору во время пира в зал, посреди которого в очаге горел огонь, а снаружи бушевали зимний ветер и вьюга: «И вот через зал пролетает воробей, влетая в одну дверь и вылетая в другую. В тот краткий миг, что он внутри, зимняя стужа не властна над ним; но тут же он исчезает с наших глаз, уносясь из тепла в стужу. Такова и жизнь людская, и неведомо нам, что будет и что было прежде. Если новое учение даст нам знание об этом, то нам следует его принять»².

Верховенство Эдвина длилось недолго. Его вызвал на битву могущественный король Мерсии по имени Пенда, союзник валлийского правителя Кадваллона из Гвинедды. В 633 г.

² *Бедя Достопочтенный*. Церковная история народа англоv.

эти вожди, объединившись, убили Эдвина в битве близ Хэтфилд-Чейза в Йоркшире и предали огню и мечу значительную часть Нортумбрии. Христианство на севере пришло в упадок, но через год Нортумбрию захватил другой христианин-сакс, Освальд, с острова Айона. Он привел с собой монаха по имени Эйдан, который в 635 г. основал монастырь на острове Линдисфарн, недалеко от Нортумбрийского побережья. Англия быстро становилась христианской. Уже Пенда разрешил крестить своих детей и даже заявил, что «те, кто после принятия христианской веры обнаруживали пренебрежение к ней, те презренные и убогие создания, недостойные Бога, в которого они верят»³. В 655 г. умер последний языческий правитель Нортумбрии, потерпевший поражение от брата Освальда, Освиу. Языческие божества-воители англосаксов Тив, Воден, Тунон и Фрея (Фриг) дожили до наших дней только в названиях дней недели⁴.

Вопрос, какого рода христианство должна исповедовать Англия, оставался открытым. На острове Линдисфарн придерживались айонского (кельтского) обряда, эта традиция еще больше укрепилась в 657 г., когда Освиу, брат и наследник Освальда, основал новый монастырь в Уитби. Но при дворе короля Нортумбрии многие следовали римско-католическим ритуалам, которые в Йорк принес католический монах Паулин. Разногласия, сначала носившие характер простого домашнего спора о том, когда следует поститься и когда праздновать Пасху, переросли в серьезный конфликт внутри Нортумбрийской церкви. Айонские традиционалисты выступали против кентерберийских модернистов. В 664 г. Освиу призвал глав церкви из Кентерберии на собрание синода в Уитби, где к противоборствующим сторонам присоединились Колман из Нортумбрии и Уилфрид (Вильфрид) из Рипонского монастыря. Уилфрид, который до этого посетил Рим и всецело был на его стороне, представлял в синоде Кентерберии, потому что говорил на англосаксонском. В его глазах авторитет папы римского и сформировавшиеся традиции католического богослужения всецело затмевали отсталые представления кельтов. Он произвел впечатление на синод и, что еще важнее, на короля Освиу проповедью о том, что святой Петр – камень, на котором зиждется церковь, и в руках Петра ключи от загробной жизни. Айонцы с Колманом во главе в негодовании вернулись в Ирландию, которая сама уже превращалась в сцену для подобных споров, Уилфрид же стал архиепископом Йоркским.

Рим, не теряя времени, воспользовался своим триумфом. В 669 г. прибыл новый папский посланец, Теодор из Тарсуса, родившийся в Малой Азии, весьма сведущий в греческой, римской и византийской премудрости. До того времени, когда в 690 г. его настигла смерть, он успел создать четырнадцать епархий, подчинявшихся Кентерберии. Под влиянием духовенства короли Кента и Уэссекса издали новые своды законов, в которых освобождали церковь от налогов и пошлин и определяли правила поведения в семье и социуме, соответствующие католическому вероучению. Наказания за воровство, насилие и другие преступления зависели от положения в феодальной иерархии, на вершине которой находился король и где епископы приравнивались к тэнам, а священники к свободным земледельцам – керлам.

Англия могла бы оставаться политически расколотой и в конце VII в., если бы синод в Уитби не направил ее в общее русло европейской религиозной культуры. Церковь стала богатой и влиятельной, и так продолжалось до начала Реформации. В стране, раздираемой междоусобицами, церковь Теодора имела огромное значение: она объединяла английский народ, обучала и воспитывала его, помогая обрести благополучие и государственность. Благодаря ей на хмурых берегах Нортумбрии в Линдисфарнском монастыре возник очаг просвещения, не уступавший европейским. Чтобы создавать рукописные евангелия, украшенные великолепными миниатюрами, необходимы были большое искусство и прилежание писцов, а также прекрасные материалы. Евангелие, изготовленное в Линдисфарнском скриптории в 698 г., находится

³ Там же.

⁴ Первые и вторые сутки каждой недели были посвящены астральным божествам Солнцу и Месяцу, третьи, четвертые, пятые – англосаксонским богам войны Тиву, Водену и Тунону, шестые – богине Фриг, седьмые – римскому божеству Сатурну.

сейчас в Британской национальной библиотеке и являет собой такое замечательное сочетание кельтских и континентальных мотивов, что равного ему по красоте нет во всей Северной Европе. Чтобы создать подобный шедевр, понадобились годы вдохновенного труда, а также искусно выделанная кожа полутора тысяч телят.

В 674 г. в Джарроу на реке Тайн появился новый монастырь. Его основал епископ Бенедикт, священнослужитель нового времени, который пять раз совершал паломничества в Рим и каждый раз, возвращаясь, привозил с собой ремесленников и музыкантов, а также рукописи и пожертвования для своих церквей. Монастырь в Джарроу служил приютом Беде Достопочтенному, чья «Церковная история народа англов» была завершена в 731 г. Беда представлял Британию предшествующих двух столетий как языческий край, получивший благословение благодаря англосаксонскому христианству, – тезис весьма преувеличенный, поскольку на большей части Британских островов все еще сохранялось язычество. Тем не менее Беда оказался уникальным свидетелем самых ранних лет Англии и первым, кто показал, в чем заключается смысл «английскости». Он первым употребил слово *Angle-land* и первым попытался установить какую-то хронологию рождения и взросления этой страны.

К VIII столетию доминирование над другими англосаксонскими королевствами переходит от Нортумбрии к Мерсии. Здесь в 757 г. поднялся Оффа, первый английский король, чье господство на островах было признано всей Европой. Оффа (757–796) был королем, который вечно находился в движении, верша правосудие и взимая дань в своих владениях. Он стал чеканить собственные монеты, причем иногда на них изображалась Синетрит, жена Оффы, первая и единственная англосаксонская королева, чье изображение когда-либо появлялось на монете. В 785 г. на английской границе с Уэльсом, от реки Ди до реки Северн, он возвел земляной вал, получивший название «вал Оффы». Скорее всего, вал был демаркационным, а не оборонным, поскольку имеются свидетельства, что по соглашению сторон валлийцам оставляли часть плодородных земель. В 796 г. папа римский направил ко двору короля Оффы легатов, чтобы побудить его внести изменения в каноническое и духовное право. То, что мерсиане обязаны были считаться с пожеланиями Рима, говорит о степени влияния католической церкви. Оффа добился того, что папа создал новое архиепископство в Личфилде в обмен на ежегодную дань золотом и согласился благословить его сына Эгфрита как наследника трона. Этот многовековой договор между английским государством и Римско-католической церковью имел большое значение и в то же время был чреват изрядными проблемами для саксонских и нормандских королей.

В конце правления Оффы нортумбрийский монах Алкуин Йоркский, выдающийся ученый при дворе Карла Великого, смог назвать этого короля «слава [Британии], меч против супостата и щит против врагов». Но личное честолюбие Оффы превышало его возможности. Когда Карл Великий предложил женить своего сына на одной из дочерей Оффы, Оффа согласился на этот брак, выдвинув встречное условие, что дочь императора, в свою очередь, выйдет за его собственного сына. Говорили, что император пришел в ярость – ведь подобное условие предполагало равенство между ними! – и разорвал какие бы то ни было отношения с Мерсией и ее королем вплоть до того, что на время даже запретил торговлю между государствами.

После смерти Оффы слабость его преемников привела к тому, что центр влияния снова сместился – на этот раз на юг, в Уэссекс. Архиепископская кафедра из Личфилда вернулась в Кентербери, и в 814 г. Эгберт Уэссекский (802–839) вторгся в Корнуолл, подчинив его англосаксам. Однако на сей раз не было ни оккупации, ни ассимиляции, как это произошло в восточных регионах. Саксы называли этот регион Западным Уэльсом, и он сохранил свой язык и правителей. По сей день корнуолльцы считают жителей земель восточнее реки Тамар «англичанами», то есть чужаками. Затем король Эгберт двинулся на Мерсию, советуясь со своими старейшинами, что делать с мерсийцами: воевать с ними или предложить им решить вопрос мирным путем. Как утверждают англосаксонские летописцы, те «сочли, что сложить голову в

бою достойнее, чем подставить свободную шею под ярмо». В конце концов им не пришлось делать ни того ни другого. Победа Уэссекса под Элландуном близ Суиндона в 805 г. решительно сдвинула центр власти на юг Англии, где эта власть сосредоточена и поныне. Затем Эгберт завоевал Восточную Англию и Нортумбрию и наконец впервые в истории объединил под властью одного правителя большинство земель, находящихся на территории современной Англии.

При Эгберте и его преемниках после двух веков междоусобной вражды, названной Джоном Мильтоном «войнами между коршунами и воронами, которые сбиваются в стаи и дерутся между собой», английский народ смог наконец подумать о мире. Временное верховенство Уэссекса, или Западного Саксонского королевства, было признано и узаконено, и его столица Винчестер стала резиденцией английских королей. Но бедствия были не за горами. Как когда-то англосаксы угрожали древним бриттам с востока, как теснили их, так теперь, по свидетельству англосаксонского летописца, «вихри, молнии и огненные драконы роились в небе». Алкуин докладывал Карлу Великому: «Никогда еще не было такого страшного ужаса... как тот, которому теперь подвергло нас какое-то языческое племя». Начинались набеги викингов.

Викинги 800–1066 гг

Англосаксы были людьми сухопутными. Их скандинавские соседи, викинги, были мореходами. Норвежцы в течение долгого времени нападали на Шотландию и на поселения по берегам Ирландского моря, а датчане бесчинствовали на побережье Северного моря и вторгались в глубь Франции. Средством передвижения им служили драккары – длинные и узкие деревянные суда с высоко поднятыми носом и кормой. Это были боевые корабли, способные при осадке около метра, имея шестьдесят человек на борту, проходить под парусами 80 километров в день. На палубе находились светловолосые воины-берсерки, отчаянные и бесстрашные; нос судна обязательно украшалось изображение какого-нибудь языческого бога. Слово «викинг» в те времена даже использовалось как глагол, выражение «to go Viking» означало «заняться морским разбоем, пиратством». Целые флотилии драккаров пересекали Атлантику, достигали Исландии и Гренландии. На своих кораблях викинги совершали пиратские экспедиции к берегам Франции, поднимались вверх по Сене и грабили Париж, заходили даже в Средиземное море. Добрались они и до Константинополя, где охрана патриарха состояла из викингов (варягов). Варяги проникли по рекам на территорию Древней Руси, обосновались в Киеве. Подобно испанским конкистадорам, сначала они только охотились за добычей, но постепенно стали основывать поселения, создавая очаги норманнской культуры по берегам Европы.

В 790 г. три драккара причалили к берегу в королевстве Уэссекс. Из Дорчестера прискакал посланник, чтобы приветствовать гостей и спросить, зачем пожаловали. Они убили его на месте. Три года спустя вся Нортумбрия была потрясена дерзким разграблением и разрушением монастыря на острове Линдисфарн, в результате которого погибли сотни драгоценных рукописей. Летописи свидетельствуют, что «язычники поливали кровью монахов пол вокруг алтаря и топтали их тела в храме Господнем, как уличную грязь». Те, кого пощадил меч, были захвачены в рабство. В 806 г. такая же ужасная участь постигла 200-летний монастырь Святого Колумбы на острове Айона, самый старый из всех церквей кельтского христианства, усыпальницу шотландских королей. Разрушение было настолько беспощадным, что руины были надолго заброшены, и только в XIII в. монастырь восстановили.

К началу IX в. нападения викингов становятся регулярными. Самое массовое, очевидно подготовленное заранее, нападение на Англию началось в 835 г., когда викинги высадились на остров Шеппи в эстуарии Темзы. Затем, в 845 г., у берегов Нортумбрии был разбит рыжебородый мародер Рагнар Лодброк (Широкие Штаны). Король приказал бросить его в яму с ядовитыми змеями, где тот, как повествует сага, умер мучительной смертью, заклиная своих сыновей, Хальфдана и Ивара Бескостного (Рагнарссона), отомстить за него. А тех и не надо было просить. Ивар уже захватил к тому времени Дублин.

В 865 г. «великое войско язычников», как его именуют летописцы, обрушилось на Восточную Англию. Король Нортумбрии был предан мучительной казни: у него через спину вырвали легкие – это называлось «кровавый орел». Йорк пал и превратился в Йорвик – торговый пост викингов. Затем викинги двинулись на Мерсию и Уэссекс. Каждого, кто оказывал сопротивление, убивали. Был убит король Восточной Англии Эдмунд, которого привязали к дереву и расстреляли из луков. После гибели Эдмунд Мученик был причислен церковью к лику святых, позднее вокруг бенедиктинского аббатства, в котором он похоронен, возник город Бери-Сент-Эдмендс.

Завоеватели достигли Рединга в 871 г., а в 876 г. взяли Уорхэм.

Постепенно вторжение начало превращаться в оккупацию. Часть завоевателей расселялась на захваченных землях к югу и северу от реки Хамбер. В результате смешанных бра-

ков язык данов смешивался с языком местного населения. Появились новые законы и топонимы, оканчивающиеся на «торп», «би» и «гилл». Территория вместо саксонских сотен была разделена на райдинги и уэпонтейки. Были построены пять новых укрепленных городов-бургов: Линкольн, Стэмфорд, Ноттингем, Дерби и Лестер. Англия от реки Тис до Темзы стала называться Данелагом. Только когда даны достигли Уэссекса, они действительно столкнулись с серьезным сопротивлением со стороны двух королей – Этельреда и его брата Альфреда (871–899). Борьба продолжалась с 870 до 877 г., или «года битв», после чего Альфред бежал в местечко Ателни среди болот Сомерсет-Левелз. Здесь, в легендарном краю короля Артура, он размышлял над тем, как организовать сопротивление захватчикам, но прославился только тем, что, задумавшись, сжег на огне лепешки одной бедной женщины.

Однако годом позже Альфред вернулся, чтобы в битве под Эдингтоном, вблизи Чиппенхэма, одержать победу над данским военачальником по имени Гутрум. Эта битва стала поворотным моментом в истории Англии. Если бы победили даны, Гутрум распространил бы Данелаг, а значит, и язычество по всему Уэссекскому королевству. Англия полностью попала бы под власть данов и стала частью Скандинавской конфедерации, которая в этом случае могла бы противостоять Нормандскому завоеванию. Но случилось по-другому: побежденный Гутрум был крещен, и король Альфред стал его крестным отцом. Даны покинули Уэссекс, но остались в занятом ими Данелаге, составляя, наверное, треть населения Англии. Несмотря на то что Гутрум потерпел поражение, набеги данов продолжались в Кенте, Девоне и других местах в течение всего царствования короля Альфреда. Лондон оставался во власти викингов до 886 г.

Альфред – первый английский монарх, о котором мы имеем более или менее полное представление. Он реорганизовал армию Уэссекса, отказавшись от народного ополчения и создав постоянные вооруженные формирования, куда люди отбирались по территориальному принципу: один воин от каждого «гайда» (пяти хозяйств) или каждой фермы свободного земледельца. Вдоль границ Уэссекса он возвел укрепленные городки, бурги, окруженные крепостными стенами для защиты от возможных набегов. Он создал флот, построив большое количество кораблей, и нанял моряков-данов, чтобы управлять ими. Благодаря этому ему удалось одержать ряд побед в морских сражениях с викингами и в том числе в 892 г. у берегов Кента нанести поражение вражеской армаде, состоявшей, по некоторым свидетельствам, из 250 кораблей. Появилась эта флотилия не со стороны Дании, а из устья Сены, где викингам под командованием Роллона предстояло вскоре получить от французского короля земли Нормандии, а самому Роллону стать первым герцогом Нормандии (под именем Роберт I) и основать Нормандскую династию. Так что будущие нормандцы не были французами – они были викингами до мозга костей.

Свою столицу в Винчестере Альфред перепланировал по римскому образцу с пересекающимися под прямым углом улицами и равными по площади прямоугольными кварталами, эта планировка сохранилась и по сей день. Короля огорчало, что после того, как викинги в течение десятилетий уничтожали монастыри, во всем Уэссексе не осталось ни одного церковнослужителя, говорящего на латыни. Поэтому он пригласил с континента ученых и направил половину доходов королевской казны на церковные школы: король хотел, чтобы англичане были грамотными людьми и чтобы его столица могла соперничать с королевскими дворами Европы. Латинские тексты переводились на англосаксонский, одно сочинение римского философа VI в. Боэция перевел сам Альфред. Приблизительно в 890 г. король повелел вести летопись, «Англосаксонскую хронику», основной источник наших знаний о периоде после Беды Достопочтенного. Альфред говорил: «Я не знаю в человеке ничего хуже, чем отсутствие стремления к знанию».

Новый свод законов, так называемая «Правда короля Альфреда», основанный на принятых ранее судебныхниках Этельберта Кентского и Оффы Мерсийского, упорядочивал формирующееся английское законодательство на основе прецедентного права. «Законы, которые соблю-

дали наши предки и которые мне по нраву... а многие, которые не по нраву, я отвергал по рекомендации советников», – говорил Альфред. Одна из статей гласила, что если человек убит упавшим на него деревом, то дерево должно принадлежать его семье. Подданные должны хранить верность своим королям, но короли, в свою очередь, обязаны обеспечивать законность в государстве и безопасность подданных. Если Оффа подчинил королей церкви, то Альфред подчинил их закону. Так зарождалось представление о согласии с властью, на которое часто ссылались последующие поколения правоведов.

Когда в 899 г. Альфред Великий умер, трон унаследовал его сын Эдуард Старший, а затем внук Этельстан (924–939). Образованный, благочестивый, «златовласый» Этельстан был первым королем Англии, который остался неженатым. Он обезопасил свой трон, выдав замуж сестер за королей саксов, франков и бургундов. В подарок от зятьев он получил легендарные реликвии – меч Константина Великого и копье Карла Великого. Но период правления Этельстана не обошелся без конфликтов. В 937 г. королю пришлось отражать нападение объединенной армии валлийцев, шотландцев и дублинских викингов под предводительством местных правителей и предводителей кланов. В битве под Брунанбургом (возможно, в Чeshire), которую летописцы называют «величайшей битвой, выигранной острием меча» на земле Англии, «пять королей полегли на поле брани».

Этельстана среди них не было, хотя он умер вскоре после победы. Верховенство Уэссекса оказалось под угрозой из-за внутрисемейных распрей по поводу наследства. Так продолжалось до тех пор, пока правление не перешло к Эдгару (959–975). Он сумел примирить и объединить королевства Англии. Торжества по поводу его коронации состоялись в Чeshire в 973 г., и, как рассказывают летописи, короли Уэльса, Камбрии, Стратклайда, Шотландии и Северной Ирландии как верные вассалы сидели на веслах в лодке короля, плывшей по реке Ди. Но ни один из первых монархов не мог поручиться, что его потомки унаследуют трон. Смерть Этельстана снова ввергла страну в династические раздоры, обострившиеся в злополучные 38 лет царствования Этельреда II Неразумного, или Неготового (978–1016), который стараниями своей матери вззошел на трон в 10-летнем возрасте. Однако прозвище, которым его наградили, подразумевало не только ранний возраст, но и полную некомпетентность юного монарха. Во время его коронации ближайший советник Эдгара, престарелый архиепископ Кентерберийский Дунстан, предсказал, что «на английский народ обрушатся такие беды, каких он не знал с тех пор, как пришел в Англию». Интересно, что об англичанах он говорил как о пришедшем народе.

Этельреду довелось править в исключительно тяжелое время, и репутации его сильно повредило то, что о нем писали в период анархии, охватившей Англию вскоре после его смерти. В 991 г. даны напали на королевство Эссекс флотилией из 80 судов. Единственное, что мог сделать мальчик-монарх, – это откупиться от угрозы. Так возник данегельд (датские деньги), и каждый викинг понял: в Англии достаточно только погрозить нападением, чтобы получить добычу. За десять лет викинги изрядно сократили запасы золота и серебра в английской казне, не говоря уже об ограблении монастырей и церквей. В 1002 г. в ответ на нападение Свена Вилобородого Этельред приказал вырезать всех данов в Восточной Англии (так называемая «резня данов в день святого Брайса»). Родная сестра Свена в данском анклав в Лондоне умоляла Этельреда о пощаде, но ее тоже убили.

Последствия были предсказуемы. Свен возвратился в ярости, и Этельреду пришлось рыскать по всей Англии, чтобы собрать данегельд. На этот раз сумма в четыре раза превышала весь наличный доход его королевства. Из-за ежегодных нападений данов к 1013 г. Этельред настолько потерял контроль над Англией, что вынужден был бежать в Нормандию. Там он женился на Эмме, дочери герцога Нормандского, которая родила ему сына – будущего короля Англии Эдуарда Исповедника. Когда в 1014 г. Свен умер, витан, англосаксонский парламент, обратился к Этельреду с просьбой вернуться, клятвенно обещая ему «хорошее правление».

Это был первый известный в истории договор такого рода между английскими королями и их подданными.

Но последствием возвращения Этельреда стало то, что в 1015 г. даны снова вторглись в Англию. Двадцатитысячная армия под предводительством сына Свена, Кнуда (Канута), на двухстах драккарах приплыла от берегов Северной Европы. По словам летописца, «там было столько разных щитов, что можно было подумать, будто собрались армии со всего мира. Кто мог бы без страха смотреть на этих быков с позолоченными рогами на грозящих смертью судах? Как не бояться короля, командующего такой силой? Более того: там не было ни одного раба, ни одного освобожденного от рабства, ни одного безродного или одряхлевшего. Все были высокородны». Последовал год непрерывных сражений между армиями Кнуда и храброго сына Этельреда, Эдмунда Железнобокого. Пал огражденный крепостными стенами Лондон, пали королевства Мерсия, Уэссекс и Нортумбрия. Хотя Кнуду не удалось покорить всю Англию, смерть Этельреда и Эдмунда позволила ему провозгласить себя королем. На Рождество 1016 г. Кнуд (1016–1035) был коронован в Лондоне. Великое королевство Альфреда превратилось в пустырь, где бесчинствовали шайки мародеров. Спустя шесть месяцев Кнуд женился на вдове Этельреда Эмме, частично узаконив свое положение и присоединив Англию к империи викингов, которая в итоге протянулась от Уэссекса до Дании и на север до Норвегии. Именно это событие, а не завоевание Англии норманнами в 1066 г., полвека спустя, ознаменовало настоящий конец саксонской Англии.

Северные саги описывают Кнуда как человека необычайно высокого и сильного, «красивейшего из мужчин, если бы не нос, тонкий и крючковатый». Он был постоянно в движении, курсируя между своими владениями – Англией, Данией и Норвегией. После того как правитель Шотландии Малькольм II признал свою вассальную зависимость от Кнуда, последний отправился с паломничеством в Рим с целью восстановить в Скандинавии христианство. Ни один английский король вплоть до Генриха II не правил такой большой территорией. О том, каким Кнуд был человеком, мы можем судить по одной удивительной легенде, смысл которой часто понимают неверно. Как повествует летопись XII в., однажды Кнуд поставил свое кресло на берегу, у самой воды, чтобы повелением своим заставить волны потечь вспять. Но это не было проявлением глупости, как иногда говорят детям, как раз наоборот! Когда нахлынула волна, король отпрыгнул назад и крикнул: «Пусть все знают, как пуста, как бесполезна власть королей!»

Когда в 1035 г. Кнуд умер, между его сыновьями начались распри. Это позволило одному из придворных, Годвину из Эссекса, повлиять на избрание короля. Хитрый, беспощадный и интересующийся только материальной выгодой, Годвин возвел на трон сына Этельреда, Эдуарда Исповедника (1042–1066), которому исполнился уже 41 год. Хотя Эдуард раньше принял обет безбрачия, Годвин женил его на своей дочери и сделал, по сути, своей марионеткой. Эдуард окружил себя придворными, говорящими по-французски, и стал, по существу, первым нормандским правителем Англии⁵. Именно с начала его правления, а не после Нормандского завоевания государственные документы в Англии стали составляться на французском языке. Эдуард основал в Вестминстере большое нормандское аббатство и учредил институт королевских шерифов, или представителей королевской власти на местах, с целью образовать некую структуру, параллельную уже существовавшей в саксонских графствах территориальной администрации во главе с олдерменами. Этому дуализму между представителями монарха и территориальной администрацией предстояло в дальнейшем играть то взрывную и разрушительную, то созидательную роль в государственном устройстве средневековой Англии.

⁵ Прежде чем стать королем, Эдуард Исповедник много лет провел у своего дяди, нормандского герцога Ричарда II. Не имея детей, Эдуард в 1051 г. в благодарность за предоставленное ему убежище обещал английский престол герцогу Вильгельму II, своему родственнику по материнской линии.

При дворе также возник дуализм между англоданами, поддерживавшими Годвина, и франкоязычными нормандцами Эдуарда. Могущество Годвина не могло не вызвать недовольство других представителей англосаксонской знати, прежде всего Леофрика, эрла Мерсии, мужа Годивы (от Godifu, или God's Gift, – дар Божий). Это о ней рассказывали, будто она голая проскакала через весь Ковентри в знак протеста против штрафов, наложенных на ее супруга. Правда, нет ни одного свидетельства современников, которые подтверждали бы эту легенду, но в Средние века она считалась неоспоримой. В 1051 г. витану едва удалось предотвратить гражданскую войну между сторонниками Годвина и окружением Эдуарда, выслав Годвина вместе с семьей во Францию, что было одним из первых проявлений силы со стороны советников короля. Примерно в этот период Эдуарда посетил внучатый племянник его матери, 23-летний герцог Гийом (Вильгельм) Нормандский. Этот визит, в то время никем не замеченный, как выяснилось позднее, имел большое значение. Вильгельм впоследствии утверждал, что именно во время этого визита Эдуард одобрил и поддержал его притязания на королевский трон. Но тогда, в важнейший момент в истории Англии, никто не вел протокол.

На следующий год семейство Годвинов вернулось в Лондон на волне антинормандских настроений, в результате которых из страны выслали нормандского архиепископа Кентерберийского Роберта, заменив его англоданом Стигандом. Гарольд, сын Годвина, стал эрлом Уэссекса и, по сути, правителем Англии почти на все последнее десятилетие жизни Эдуарда. Однако тут настал черед Гарольда усложнить себе наследование английской короны. Во время плавания по Ла-Маншу он потерпел крушение у берегов Франции и нашел пристанище при дворе Вильгельма, даже принял вместе с ним участие в каком-то военном походе. И, по словам нормандцев, во время своего пребывания в Нормандии Гарольд якобы подтвердил, что Эдуард Исповедник на самом деле признал Вильгельма наследником английского трона и принес нормандскому герцогу клятву верности. Конечно же, Вильгельм принял это как бесспорное доказательство своего права на английский престол.

Однако, лежа на смертном одре в начале рокового 1066 г., Эдуард обратился к Гарольду и «передал Англию под его защиту». Де-факто эрл уже и так был ее правителем, и витан, собрание олдерменов, тэнов и епископов, явно видел в нем наиболее вероятного претендента на трон. Хотя Гарольд и не был наследником по крови, он был лучшим из всех, закаленным воином и, по сути, уже правил королевством. Гарольд был надлежащим образом возведен на престол. Узнав об этом, Вильгельм пришел в ярость и отправил ему из своей столицы, Руана, послание с напоминанием, что Эдуард благословил на престол его, а не Гарольда и что сам Гарольд присягнул ему на верность. Но витан на этот раз четко продемонстрировал свою почти конституционную власть и отклонил его претензии. У страны уже был король.

Вильгельм Завоеватель 1066–1087 гг

Год 1066-й – самый известный в английской истории. При упоминании этой даты в памяти каждого английского школьника тотчас всплывают имена саксонского героя Гарольда и французского злодея Вильгельма, армии которых сошлись в битве под Гастингсом. Исход сражения решила случайная стрела, угодившая Гарольду в глаз. Однако история далеко не всегда такова, какой ее изображают. Гарольд, сын Годвина, был в лучшем случае только наполовину англосаксом и не имел оснований притязать на трон, если не считать благословения умирающего Эдуарда. Да и Вильгельм не был французом – он был потомком скандинава Роллона, в 911 г. получившего Нормандию в лен от французского короля Карла Простоватого. У Вильгельма на английский трон также не было никаких прав, если не считать вероятного, но давнего благословения Эдуарда. Оба они вели свой род от викингов.

Вильгельм был коварен, честолюбив и способен на беспощадную жестокость. Он правил герцогством меньшим, чем Йоркшир, и был вассалом французского короля. Его власть основывалась на феодальном владении землей, которой он жаловал своих баронов за военную службу. Весной 1066 г. он созвал этих баронов и сообщил, что намерен претендовать на английскую корону и рассчитывает на их поддержку. Большинство отказалось, сославшись на то, что присяга на верность не распространяется на заграничные войны и личную кровную месть. Город Кале не находился на его территории, и Вильгельму предстояло от берегов Нормандии идти под парусами через более широкую часть пролива Ла-Манш. Необходимы были тяжелые суда для перевозки лошадей и к тому же попутный ветер. После высадки герцогу предстояло столкнуться со зрелым, опытным воином, сражающимся на своей земле. Вся эта рискованная затея была неразумна, но Вильгельм стоял на своем, и то, что началось с притязаний на корону и вассальной клятвы сеньору, переросло в нечто более масштабное. Вильгельм вынужден был посулить своим баронам земли в Англии и вербовать наемников из других краев, а их тоже как-то придется вознаграждать! Его единственным тактическим преимуществом было благословение папы римского Александра II, разгневанного на Годвина за то, что тот назначил Стиганда архиепископом Кентерберийским, не согласовав свое решение с Ватиканом. Папа прислал Вильгельму освященное им лично знамя и благословил на завоевание Англии.

В ответ Гарольд разместил у острова Уайт свою флотилию и созвал фирд, народное ополчение из свободных крестьян, ставшее лагерем вдоль южного побережья. Ополчение служило поддержкой королевской гвардии, хускерлам – двум тысячам воинов на постоянной королевской службе. Этого было достаточно для обороны, но для вторжения Вильгельма не хватало первого необходимого условия – юго-западного ветра, что создавало затруднения для обоих предводителей. Вильгельм вынужден был удерживать свою разношерстную армию и корабли для ее перевозки у берегов Нормандии, в то время как ополченцы Гарольда, свободные земледельцы, рвались по домам убирать урожай. И тут Гарольда настигло сокрушительное известие: его мятежный брат Тостиг, бывший эрл Нортумбрии, отбыл в Норвегию и, заключив военный союз с королем Харальдом Суровым (Гаральдом Гардрадой), давно претендующим на английскую корону, подстрекал того напасть на Англию. Гардрада в свои пятьдесят с небольшим был белокурым гигантом, всю жизнь проведшим в сражениях и разбое по всему континенту: через Русь он добирался до Константинополя и даже до Сицилии⁶. Он охотно согласился на предложение Тостига и в августе, прибыв со своим войском на двухстах кораблях, высадился в

⁶ Харальд III Сигурдссон, король Норвегии (1046–1066), в 1031 г. вынужденный бежать из родных мест, поступил на службу к Ярославу Мудрому и принял участие в его походе против поляков, а позднее стал зятем Ярослава, взяв в жены Елизавету Ярославну (Эллисиф в сагах), от которой у него родились две дочери – Мария и Ингигерд.

Скарборо. Выступив отсюда, он разбил войско эрлов Нортумбрии и Мерсии при Фулфорде и заставил сдаться Йорк.

Тем временем разгулявшиеся в Ла-Манше шторма по-прежнему удерживали готовые к отплытию корабли Вильгельма у берегов Нормандии, так что военачальники Гарольда прониклись уверенностью, что никакого вторжения в этом году уже не будет. Гарольд покинул свой дом в Бошаме, неподалеку от Чичестера, и направился в Лондон, где узнал, что Гардрада высадился в Нортумбрии. За сутки Гарольд собрал войско и двинулся на север, достигнув Йорка всего за четыре дня. Это был один из величайших переходов в истории Англии. Здесь Гарольд обнаружил, что Гардрада отошел от Йорка к Стамфорд-Бриджу в одиннадцати километрах к востоку, причем треть своих сил оставил на кораблях. Внезапное появление армии Гарольда застало Гардраду врасплох. Понимая это, войско Гарольда тут же напало на врага, и в стремительной, яростной схватке оба предводителя, Гардрада и Тостиг, были убиты. Оставшиеся в живых норвежцы с позором отправились восвояси. Гибель Гардрады, «последнего из викингов», значительно уменьшила угрозу английскому трону со стороны Скандинавии.

Гарольд пробыл в Йорке всего неделю, наводя там порядок, как вдруг ему сообщили страшную новость: Вильгельм в конце концов все же отплыл от берегов Франции и 28 сентября высадился в бухте Певенси. Гарольду предстояло форсированным маршем вести усталую, истощенную армию обратно на юг, к Лондону. Там он получил от Вильгельма, уже расположившегося лагерем у Гастингса, послание, в котором тот вновь заявлял о своих претензиях на трон. Гарольд резко ответил, что право на трон принадлежит ему по завещанию Эдуарда, что оно подтверждено решением витана и последующей коронацией. Вопрос, безусловно, предстояло решать оружием. Гарольд отбыл из Лондона и 13 октября был в Гастингсе.

Поле брани, которое можно осмотреть и сегодня, представляло собой небольшую возвышенность и долину. Оно было настолько тесным, что сражаться на нем могли не более чем по восемь тысяч воинов с той и с другой стороны. Считается, что у Вильгельма было три тысячи конницы, разбитой на небольшие отряды и поддерживаемой лучниками и пехотой. Вильгельм мог свободно перебрасывать свои отряды. Воины Гарольда сражались в пешем строю. На гребне холма они образовали «стену щитов», внахлест приставив их один к другому. Это обеспечивало прочную оборону, но поддерживать дисциплину или перестроить строй для атаки, когда он нарушен, было очень трудно. В такой войске отсутствовала четкая структура, но так обычно сражались и англосаксы, и викинги: каждый дрался сам по себе и сам за себя, а король был окружен только небольшой личной охраной.

Утром 14 октября нормандская кавалерия пошла в атаку на англосаксонские щиты, но понесла тяжелый урон: много лошадей погибло от англосаксонских копий и секир. Нормандцы отступили и перегруппировались, в то время как англосаксы пополняли запасы метательных снарядов и убирали своих погибших. Следующая атака нормандцев тоже была отбита, но с каждым разом ряды англосаксов редели: нормандские лучники поражали их с расстояния около ста метров.

В какой-то момент англосаксы, по-видимому, поддались на хитрость нормандцев, якобы ударившихся в бегство. Преследуя противника, они расстроили свои боевые ряды, покинув позицию на возвышенности за щитами, и устремились вниз, в долину, где оказались в окружении кавалерии Вильгельма. По большинству свидетельств, переломный момент наступил, когда Гарольду вонзилась в глаз вражеская стрела. Пользуясь замешательством среди англосаксов, четыре нормандских рыцаря пробились к Гарольду и зарубили его. Лишившись своего предводителя, англосаксы разбежались по окрестным лесам. Тело Гарольда в этой схватке было так изуродовано, что его жена с прелестным именем Эдит Лебединая Шея с трудом опознала останки. Он был погребен в Уолтхэмском аббатстве к северу от Лондона.

История битвы под Гастингсом запечатлена на знаменитом гобелене, по всей вероятности заказанном епископом нормандского города Байе, сводным братом Вильгельма, англий-

ским рукодельницам из города Одо. Гобелен сейчас хранится в специальном музее в Байе и считается одним из самых ярких изображений войны в средневековой истории. Вильгельм, хоть и одержал победу, потерял в этом сражении треть своего войска и много боевых коней. У него не осталось никаких ресурсов, ждать подкрепления было неоткуда, он был один в чужой враждебной стране, где эрлы, без сомнения, окажут сопротивление, когда узнают, что их земли обещаны соратникам Вильгельма. Но он приказал основать на месте битвы аббатство и решил короноваться в Лондоне, у гробницы своего предшественника Эдуарда Исповедника⁷.

Двадцать лет спустя в «Книге Судного дня», всеобщей поземельной переписи, проведенной по приказу Вильгельма, были перечислены деревни, «разоренные» нормандской армией по пути из Суссекса к Лондону. Войско не пыталось атаковать грозные стены города, но проследовало вверх по течению Темзы и обошло город с северо-запада, через Миддлсекс, ожидая, пока лондонские епископы и горожане не «подчинятся необходимости».

Вильгельм подтвердил свободы, дарованные лондонцам королем Эдуардом, заявив: «Я не потерплю, чтобы кто-нибудь причинил вам какое-нибудь зло». Лондон остался в целостности и сохранности, а на Рождество 1066 г. в Вестминстерском аббатстве состоялась коронация Вильгельма. Обряд совершили англосаксонские епископы в соответствии с англосаксонским ритуалом, но за стенами аббатства стояли угрюмые горожане.

Вильгельм с триумфом вернулся в Нормандию, оставив новые владения на попечение епископа Одо, возведенного в сан эрла Кентского, и Уильяма Фиц-Осберна, эрла Херефордского, который сразу же начал строительство огромного замка в Чепстоу. Теперь Вильгельму приходилось выплачивать свои долги, для чего он изымал английские земли, первое время в скромных масштабах. Чтобы обезопасить путь домой, вдоль южного побережья он построил крепости. Но постоянная угроза восстаний требовала строительства новых крепостей – в Экзетере, Уорвике, Йорке, Линкольне, Хантингдоне и Кембридже. Король Альфред строил укрепленные города для защиты населения, Вильгельм возводил крепости для его подавления. На первых порах это были сооружения из дерева и глины, потом их сменили каменные цитадели, в которых гарнизон мог удерживать в заточении взятых в плен мятежников или укрываться в случае нападения.

Заставить население Англии покориться оказалось нелегко. Самое серьезное восстание произошло в 1069 г. в столице Нортумбрии Йорке. Вильгельм жестоко отомстил всему региону: он жег деревни, уничтожал хлеб и скот, вынуждая голодающих людей соглашаться на рабство, чтобы выжить. Средневековые летописцы свидетельствуют, что ярость его не знала границ, «он подчинялся самым скверным порывам и в ярости был неукротим». Это так называемое «опустошение Севера» оставило после себя тяжкое наследие – ненависть к нормандцам, которая не угасала в течение целого столетия. В 1071 г. поднял восстание линкольнширский тэн Херевард Будитель⁸. Он хорошо знал болотистые равнины Восточной Англии, и это позволяло ему больше года уходить от преследования, но в конце концов он был выдан подкупленными монахами, после чего бесследно исчез и стал легендой Фенланда.

Вильгельм стал уделять все большее внимание церкви. Если раньше он подкупал баронов подачками, то теперь всячески ублажал нормандских епископов. Англосакса Стиганда, епископа Кентерберийского, он заменяет Ланфранком, аббатом монастыря в Кане, известным правоведом и администратором. За два десятилетия нормандским епископам и аббатам была передана четверть английских земель, на которых они должны были основывать монастыри и строить церкви. Такого активного церковного строительства, которое наблюдалось в течение следующих семидесяти лет, в Англии потом не было вплоть до XV столетия. Это не значит,

⁷ Первым в Вестминстерском аббатстве в январе 1066 г. короновался Гарольд, вторым, в том же году, – Вильгельм Завоеватель. Традиция сохранилась до наших дней.

⁸ Легенды о Хереварде позднее трансформировались в английском фольклоре в рассказы о приключениях Робин Гуда.

что Вильгельм так стремился благоустроить свое новое королевство, а скорее свидетельствует о том, что в Англии XI в. уже скопились богатства, сравнимые с богатствами Франции.

Власть нормандских завоевателей теперь укрепилась. На верность Вильгельму присягнул король Шотландии Малькольм. На западе цепь графств от Чэпстоу через Шрусбери до Честера образовала Валлийскую марку. К 1070 г., по сути, вся Англия южнее реки Тиз подверглась одному из наиболее методичных переделов земельной собственности в истории Европы. Около четырех тысяч англосаксов утратили свою землю – она перешла к двумстам нормандским баронам, епископам и аббатам, и только 5 % земель остались в руках англосаксов. В Англию переселились 200 000 нормандцев, французов и фламандцев. Примерно такое же количество англичан было убито или умерло от голода, что составляло около пятой части тогдашнего населения.

В результате этих преобразований англосаксонский керл, или свободный крестьянин, стал своего рода крепостным, вилланом, обязанным сохранять верность сеньору, который, в свою очередь, владел землей как «главный владелец лена», вассал короля. Хотя историки подвергают сомнению жесткость этой феодальной системы, вилланы, по-видимому, были «зависимы» – обязаны нести воинскую повинность, лишены права покупать или продавать землю и переезжать куда-либо без разрешения сеньора. Суды сотен⁹ и графств, в которых прежде свободные люди вершили правосудие наряду с главными судьями, или шерифами, короля, уступили место манориальным судам, в которых решающее слово принадлежало сеньору. В регионах, граничащих с Уэльсом и Шотландией, лорды правили почти независимо от короля. Они могли назначать собственных шерифов, строить замки и формировать войско. Их имена громко прозвучали в истории Средних веков: Мортимер, Монтгомери, Осберн, де Браоз и де Клэр.

В 1085 г. стареющий Вильгельм решил провести оценку своего хозяйства, уточнить титулы и налогообложение, покончить со спорами между баронами, провести перепись населения. Королевские уполномоченные описали все поселения королевства, и этот документ был торжественно узаконен на общем собрании баронов и рыцарей в Олд-Саруме, в графстве Уилтшир, на котором они принесли оммаж, или клятву верности, королю Вильгельму. Документ был подан королю в 1086 г., его название – «Книга Судного дня», или «Книга Страшного суда», – было дано англосаксами, «поскольку ее приговор, как и приговор Страшного суда, не изменить». Книга оставалась самой полной описью английских земель к югу от реки Тиз вплоть до описи, проведенной при королеве Виктории. Согласно этому документу, самым населенным регионом была Восточная Англия – в графствах Норфолк и Суффолк проживало 165 000 человек. В Йоркшире после «нормандского опустошения» осталось всего 30 000 жителей. Данные о Лондоне не приводятся из-за пожара, но предполагается, что там проживало около 25 000 человек. Только 15 % Англии занимали леса. Ни в одной стране Европы не было ничего подобного «Книге Страшного суда». Ее значение трудно переоценить: это была не просто поземельная опись, «Книга Страшного суда» впервые превратила нормандскую Англию в единое административное целое. В то время как Франция по-прежнему оставалась союзом разрозненных герцогств, Англия уже вступила на путь, ведущий к национальной монархии.

Однако Вильгельм начал слабеть. Он потерял свою влиятельную жену Матильду. Считалось, что она была очень маленького роста, всего 127 сантиметров, но недавно обнаруженный скелет, возможно принадлежавший Матильде, свидетельствует, что рост ее составлял почти 153 сантиметра. Старший сын Вильгельма, Роберт, поднял восстание против отца. Другой сын, Ричард, разбился, упав с коня. Сам Вильгельм, непрерывно воюя с французским королем Филиппом, перемещался между Нормандией и Англией. В 1087 г., во время осады Манты, он упал с коня и сильно повредил живот. Короля привезли в Руан, где он и скончался. Во время погребения в аббатстве Святого Стефана в Кане, где и сейчас можно увидеть его надгробие,

⁹ Сотня – историческая административная единица, подразделение графства.

по свидетельству очевидцев, «раздувшиеся кишки лопнули, и страшный смрад ударил в нос стоявшим вблизи»¹⁰.

Достижение Вильгельма – завоевание и покорение всей Англии – было таким же, как и достижение Кнута за полстолетия до него, но потомки Вильгельма сделали так, что это завоевание оказалось окончательным. Нормандские политика, язык и культура проникли в кровь донормандской Англии. На четыре долгих столетия Англия оказалась повенчана с континентальной Европой, но это был несчастливый, кровавый брак.

¹⁰ Цитата из средневековой хроники Ордераика Виталия.

Потомки Вильгельма Завоевателя 1087–1154 гг

Институты средневекового государства редко бывали достаточно прочны, чтобы пережить смерть монарха, не претерпев при этом никаких изменений. Чтобы обеспечить наследование и коронование, часто приходилось прибегать к военной силе.

После смерти Вильгельма Завоевателя его старший сын Роберт Куртгез, или Роберт Короткие Штаны, наследовал старейшие фамильные владения – Нормандию, в то время как следующему по старшинству сыну, Уильяму, досталась более богатая Англия.

Прозванный Руфусом, или Рыжим, за цвет волос и лица, Вильгельм II (1087–1100) был опытным воином, но ему не хватало самодисциплины отца. Он немедленно отправился из Руана в Вестминстер, чтобы успеть короноваться прежде, чем туда явится другой претендент, и, чтобы утвердиться во власти и завоевать популярность, отдал церкви значительную часть полученных в наследство богатств и выделил по 100 фунтов каждому графству для раздачи бедным.

Стиль англо-нормандского двора резко изменился: спартанский походный двор Вильгельма Завоевателя уступил место изнеженному и расточительному двору Руфуса. Король всецело находился под влиянием своего советника, нормандского священника Ранульфа Фламбарда, который не только помогал ему править, но и определял господство французских вкусов во всем – в моде, развлечениях, архитектуре. Строительство началось с собора-крепости в Дареме и Вестминстер-холла – наверное, самых больших зданий среди церковных и светских построек Северной Европы того времени. Такие затраты требовали ужесточения фискальной политики. Руфус конфисковал доходы всех наследников, получавших наследство, до достижения ими совершеннолетия. Когда в 1089 г. умер архиепископ Кентерберийский Ланфранк, Руфус всячески препятствовал избранию нового главы епархии, чтобы в течение четырех лет забирать себе все ее доходы.

Но еще хуже было то, что он позволил новым лордам Валлийской марки совершать набеги в глубь Уэльса, нарушая договоры об автономии, которые Вильгельм Завоеватель в свое время благоразумно заключил с валлийскими правителями. В результате Уэльс на три столетия стал источником постоянного беспокойства, бельмом в глазу для нормандских монархов. Преемник Ланфранка на посту первосвященника Англии, высокообразованный епископ Ансельм вступил с королем в спор. Он упрекал его в «греховности» двора, в «изнеженности» придворной моды, в неразумном распоряжении деньгами. В ответ король публично высмеял церковь: он созвал совет баронов и предложил им решить, кто – король или папа римский – должен править страной. Бароны осмотрительно высказались за короля.

Однако вскоре вокруг Вильгельма II стали возникать заговоры. Против него, в поддержку его старшего брата Роберта, восстал могущественный Одо, дядя двух братьев. На стороне Роберта и Одо оказались обретающие все большую независимость англо-нормандские бароны, но Вильгельма II выручил непредвиденный союзник. В 1095 г. папа Урбан II объявил Первый крестовый поход и призвал христианскую Европу, позабыв домашние распри и раздоры, освободить Иерусалим от неверных. Папа обещал отпущение всех грехов каждому, отправившись в поход, будет сражен смертью. Крестовый поход представлялся как предельное, абсолютное выражение веры, как сплав религии и зарождающегося культа рыцарского благородства, доблести и романтической любви. Принять участие в Крестовом походе захотели короли, знать и даже скромные вассалы и жаждущие приключений простолюдины. Этот поход символизировал гипнотическую власть Римской церкви над средневековым сознанием и воображением.

Вильгельм II Руфус был опытным воином, однако в Крестовый поход идти не собирался. Зато он предложил Роберту 6600 фунтов, чтобы тот отправился в Иерусалим, в обмен на все доходы Нормандского герцогства во время его отсутствия. Роберт согласился, и деньги были доставлены в Руан в шестидесяти семи бочонках. Пятью годами позднее, когда Роберт все еще находился в походе, Руфус был сражен случайной стрелой на охоте в новом королевском заповеднике, который так и назывался – Нью-Форест. Происшедшее назвали несчастным случаем на охоте, но, возможно, произошло преднамеренное убийство, причем в присутствии Генриха, младшего брата короля. В этой чрезвычайной ситуации Генрих вместе со своими друзьями бросил тело убитого у дороги (сейчас на этом месте у автомагистрали А31 стоит стела Вильгельма Рыжего) и галопом поскакал в Винчестер, чтобы захватить королевскую казну и предъявить свои права на корону. Труп, случайно обнаруженный каким-то угольщиком, был привезен в Винчестер и похоронен в соборе. Поспешная коронация Генриха в 1100 г. предвосхитила прибытие представителей Роберта с целью заявить о его праве первородства.

Генрих I Боклерк (*фр.* Beaclerc – хорошо образованный) (1100–1135) унаследовал характер отца, Вильгельма Завоевателя. Он прогнал Ранульфа Фламбарда, любимца Вильгельма Рыжего, а в хартии вольностей, изданной по случаю коронации, аннулировал установленные братом штрафы и поклялся «положить конец злоупотреблениям». В дальнейшем на эту хартию будут ссылаться как на предшественницу Великой хартии вольностей (*Magna Carta*). Генрих ввел целибат, обет безбрачия, для священников и потребовал, чтобы все придворные коротко стриглись. В знак примирения с валлийцами он отказался от своей любовницы, отличавшейся необычайной красотой дочери правителя Дехейбарта в Уэльсе, и выдал ее замуж за нормандского кастеляна замка Пемброк, а сам женился на популярной шотландской принцессе Эдите, принявшей имя Матильда. До XV столетия это был единственный брак, благодаря которому в кровь английских королей влилась струйка английской крови. Спустя год, когда Роберт вернулся из Святой земли, чтобы потребовать корону, Генрих заключил с ним мирное соглашение, согласно которому они признавали суверенность владений друг друга и право передачи друг другу земель по наследству.

Однако среди нормандцев такие договоренности редко бывали надежны. В 1106 г. Роберт изменил своему слову, за что и поплатился, потерпев поражение в битве под Таншбре в Нормандии. Эту битву ранние историки рассматривали как «реванш» за поражение англосаксов при Гастингсе: теперь уже Нормандия была завоевана англичанами. Роберт попал в плен и до своей смерти в 1134 г. оставался в английской тюрьме, первоначально в замке Дивайзис, а затем в Кардиффе.

Позднее Генрих выдал свою дочь Матильду за Генриха V, императора Священной Римской империи и короля Германии. Он даже добился от папы уступок в вопросе церковной инвеституры, заставив согласиться с тем, чтобы английское духовенство в светских делах находилось в подчинении короля, а в делах церковных – в подчинении папы.

Как и его отец, Генрих прекрасно понимал необходимость укрепления государственных институтов. Ему повезло с советником, Роджером Солсберийским, который был первым из священнослужителей, возглавивших королевскую администрацию и способствовавших укреплению англо-нормандского государства. Роджер Солсберийский был назначен верховным судьей, и во времена, когда Генрих I воевал во Франции, в Англии он замещал короля как «юстициарий», причем однажды он ослепил и оскотил девяносто четырех чеканщиков монетного двора за порчу монеты. Солсбери организовал расчет финансовых поступлений и расходов короля с помощью клетчатой ткани, натянутой поверх стола¹¹ и помогавшей баронам казначейства подсчитывать налоги, арендные и денежные сборы, которые королю надлежало

¹¹ Подобная разметка представляла собой простейшие счеты, которые позволяли устранить главную проблему арифметических исчислений с помощью римских цифр – отсутствие нуля.

получать каждое Благовещение, в конце марта. Это составляло доход за текущий фискальный год. Было также упорядочено судопроизводство. Королевский суд баронов заменили Судом королевской скамьи, при этом судейские располагались в судебных иннах, или палатах, вдоль одной из главных улиц Лондона, Стрэнда. Решения местных судов можно было обжаловать перед королевскими судьями, разъезжавшими по судебным округам. Короля Генриха I стали называть «Львом правосудия».

Однако вся эта работа пошла прахом и политическая ситуация в стране резко осложнилась, когда в 1120 г. Генрих лишился единственного сына и законного наследника. Уильям (Вильгельм Аделин) после ночной пирушки безрассудно попытался отплыть из Нормандии в дурную погоду. Королевское судно потерпело крушение, и наследник погиб. Говорили, что тогда в море утонула половина англо-нормандской знати. Генриху ничего не оставалось, как объявить наследницей и будущим монархом Англии свою дочь Матильду и заставить баронов присягнуть ей на верность. Но такое решение было вдвойне рискованным. Во-первых, по англосаксонской традиции женщина не могла править страной. Во-вторых, после смерти супруга, короля Германии Генриха V, 26-летнюю Матильду выдали замуж за 14-летнего Жоффруа (Готфрида) V Анжуйского по прозвищу Красивый или Плантагенет. Графство Анжу издавна враждовало с Нормандией, и то, что могло казаться благоразумным дипломатическим шагом и удачей для овдовевшей дочери, было абсолютно неприемлемо для будущего монарха Англии. Когда в 1135 г. Генрих умер в Нормандии, как утверждалось, объевшись миногами, претензии на престол предъявил двоюродный брат Матильды Стефан Блуаский, утверждавший, что Генрих на смертном одре якобы изменил свои намерения. Духовенство и жители Лондона признали его права, но Матильда и ее супруг категорически воспротивились коронации Стефана, и герцогство Анжу объявило войну Нормандии.

Хотя первые годы правления Стефана протекали мирно, он опрометчиво забрал собственность у епископов Солсбери, Линкольна и острова Или, так что, когда в 1139 г. Матильда высадилась в Англии, оказалось, что бароны и епископы готовы вспомнить клятву, данную ранее ее отцу, и поддержать ее как наследницу престола. Последовали пятнадцать лет гражданской войны, которые не случайно называли годами анархии. Королевское правосудие уступило место деспотизму баронов. Стефан считал, что он, как законно коронованный монарх, вправе претендовать на верность и преданность своих подданных. Матильда же настаивала на своих правах, поскольку была официально объявлена престолонаследницей. В 1141 г., после того как сторонники Матильды разгромили войско Стефана в сражении под Линкольном, ее объявили королевой. Но правление это длилось недолго: вскоре двор Матильды осадили в Оксфордском замке. Оттуда, переодетая простолюдинкой, в белом плаще с капюшоном, королева бежала ночью по льду замерзшей Темзы в Уоллингфорд. Конфликт продолжался. В 1148 г. Матильда возвратилась в Анжу, чтобы передать дело своей жизни подростку-сыну, Генриху Анжуйскому, сыну Жоффруа.

Этому юноше суждено было взбудоражить всю Европу. Коренастый, рыжеволосый, он отличался необыкновенной физической выносливостью и яркой внешностью. Люди, которым случалось видеть его, говорили: «Можно тысячу раз смотреть на его лицо – и еще хочется взглянуть». По линии отца он унаследовал земли Анжу и Мэна, а по линии деда, Генриха I, претендовал на Нормандию. С гордостью принял прозвище Плантагенет, происходящее от латинского *Planta genista* – ветка дрока, которой мужчины дома Анжу украшали свои шлемы.

В 1151 г. Генрих отправился к королю Франции Людовику VII, чтобы заключить вассальный договор в качестве герцога Нормандии. Французский король был набожным и скромным человеком, зато Алиенора (Элеонора), его жена, обладала горячим характером. Она была полноправной правительницей герцогства Аквитания и к тридцати годам успела поучаствовать во Втором крестовом походе. Увидев юного Генриха, она потеряла голову. Своему супругу она заявила, что он «монах, а не король», и потребовала немедленного расторжения брака. В мае

1152 г. в своей столице Пуатье Алиенора вышла замуж за Генриха, который был на десять лет моложе ее, создав таким образом империю, которая отныне простиралась от Шотландии до Испании, «от Арктики до Пиренеев». Европа была шокирована, а вот история – очарована. Страсть и политика вдохнули новую жизнь в отношения Англии и Франции. При этом Алиенора, невзирая на возраст, подарила Генриху восемь детей и кучу неприятностей.

Что касается наследства, оспариваемого как в Лондоне, так и в Париже, то тут Генрих оказался на должной высоте. Его анжуйские рыцари, многие из которых были закаленными в походах крестоносцами, ни в чем не знали преград. Когда в 1153 г. Генрих с тремя тысячами солдат высадился в Англии, Стефан не стал оказывать сопротивления, признав его права на престол, и так или иначе, а не прошло и года, как Стефан скончался. Бароны поспешили присягнуть на верность молодому воину, новому правителю, который доказал свою силу и обещал им то, чего жаждала теперь вся Англия, – единение и мир.

Генрих II Плантагенет и Бекет 1154–1189 гг

Генрих II (1154–1189) был королем-воином, подобно героям рыцарских романов. Незная покоя, он объезжал свои владения. Если он не сражался, то охотился, если не охотился, то занимался законотворчеством, а если не было государственных дел, то проводил время с какой-нибудь красоткой, чем приводил в ярость свою жену Алиенору. Обладая бешеным темпераментом, он был мстителен, но мог быть спокойным и готовым к примирению, мудрым и исполненным достоинства. На протяжении всего периода его правления внимание Генриха занимали две проблемы: защита подвластной ему территории Франции и желание восстановить законность и порядок в Англии, какими они были при его деде Генрихе I.

У монархов всегда были фавориты, но немногие из фаворитов обладали такой властью, какой обладал в королевстве юного Генриха Томас Бекет. Сын нормандского купца в Лондоне, при восшествии Генриха на престол Бекет был королевским секретарем. Юный король распознал в нем способного юриста и дипломата, и они сблизились. За недели, в течение которых длились церемонии коронации, Генрих, которому в ту пору был двадцать один год, сделал Бекета своим канцлером. Они вместе работали, вместе ели, вместе ездили по стране и вместе играли. Друг Бекета Уильям Фиц-Стефен писал об этом: «Никогда еще за времена христианства не случалось, чтобы два человека были так единомышленны». Томас Бекет жил в роскоши королевского двора, словно принц.

Поначалу установившиеся между молодыми людьми отношения были плодотворны. В течение двух лет король ездил по стране, конфискуя земли у опальных баронов и разрушая крепости, которые знать незаконно возвела в предшествующий период. Феодалную воинскую повинность заменил налог, именуемый «щитовыми деньгами», или скутагием. Между тем Бекет стал королевским дипломатом. Посланный с миссией в Париж, он путешествовал с таким великолепием, что вся Франция изумлялась. Его сопровождала свита из 200 человек, все разодетые, с соколами и гончими для охоты, а также двенадцать вьючных лошадей, нагруженных подарками, причем на каждой сидела нарядно одетая обезьянка. Теперь уже Англия точно не была для французов той отдаленной и сонной англо-скандинавской окраиной, завоевание которой сто лет тому назад стало навязчивой идеей герцога Вильгельма.

Но в 1162 г., на восьмом году правления Генриха, грянула беда. Кафедра архиепископа Кентерберийского освободилась, и король пожелал, чтобы Бекет ее занял, объединив пост архиепископа с должностью канцлера. Бекет сначала отказывался, утверждая, что один человек не может одновременно служить и Богу и королю. Но Генрих настаивал, и тогда, по слухам, Бекет, согласившись, ответил: «Прежде всего я буду служить Богу, а уж потом тебе».

В Англии власть церкви была сильнее, чем где бы то ни было в Северной Европе, в основном благодаря щедрым пожертвованиям Вильгельма I и процветанию нормандских монастырей. Каждый шестой человек в стране служил церкви или работал на церковь. В стране велось огромное строительство, в том числе кафедральных соборов и аббатств в Дареме, Винчестере, Глостере, Норвиче, Питерборо, Или и Саутуэлле. Эти соборы возвышались над селениями, и только пирамиды Египта могли сравниться с ними в масштабе. Соборы объединяли и скрепляли нацию; их промозглые нефы, мерцающие свечи и торжественные песнопения облегчали повседневные заботы, дарили людям утешение, которого им не могли обещать никакие светские сеньоры.

Бекет отказался от всех благ, которые обеспечивал ему занимаемый пост, включая доходы и привилегии архиепископа Кентерберийского, и стал аскетом. Он стал носить власяницу и в 1163 г. повез своих епископов в Тур на встречу с папой римским Александром III,

откуда вернулся в полной решимости объявить церковь независимой от государства. В ответ в 1164 г. Генрих начертал свои Кларендонские постановления, повторяющие эдикт Генриха I о верховенстве монарха в решении гражданских вопросов. Решение споров о земле, налогах и рассмотрении апелляционных жалоб являлось прерогативой короля. В конечном счете все население Англии, независимо от звания и общественного положения, включая клир Бекета, являлось подданными короны. Теперь отношения между Генрихом и Бекетом оказались окончательно испорчены. В 1164 г. на королевском совете в Нортгемптоне Бекет вновь потребовал привилегий для церкви, театрально подняв при этом распятие, чтобы продемонстрировать, кому именно он служит. Разъяренный Генрих напомнил Бекету о его низком происхождении, на что тот ответил: «Мы должны повиноваться Богу, а не человеку», и при этом добавил, что святой Петр тоже был простолюдином. Это столкновение дерзкого священника с разъяренным королем закончилось бегством Бекета в Париж, где он и прожил следующие шесть лет.

Между тем британские земли за пределами Англии сотрясали восстания. Генрих уже принял вассальную присягу от шотландского короля, но из Уэльса, где в королевствах Дегебарт и Гвинедд не прекращались волнения, ему пришлось уйти. Группа нормандско-валлийских рыцарей под предводительством Роберта де Клера, лорда Валлийской марки, вторглась в Ирландию. К 1170 г. Роберт де Клер уже захватил Дублин и стал королем Лейнстера. Эти события, формально завершающие Нормандское завоевание, показывали, насколько даже самый могущественный английский король был далек от того, чтобы контролировать те части Британских островов, которые не были завоеваны англосаксами.

В тот год под страхом отлучения Генриха от церкви между ним и Бекетом во Франции состоялось кратковременное примирение. Томас Бекет вернулся в Англию, причем вернулся героем: в Лондоне он раздавал милостыню, а в Кентерберии заявил своей конгрегации, что «чем сильнее и свирепее правитель, тем крепче должна быть палка и тем прочнее цепь, на которую следует его посадить». Он предупредил, что Господь скоро увеличит количество своих мучеников. Более того, он отлучил от церкви тех епископов и священников, которые выступали против него, на стороне Генриха. Наверное, Бекет понимал, что своими поступками выводит Генриха из терпения. Лишенные сана священнослужители отправились к Генриху в Нормандию, чтобы просить его о заступничестве. Генрих был болен. Выслушав ходатаев, он пришел в ярость и выкрикнул (по-французски, но до нас его реплика дошла в переводе на латынь): «Каких же ничтожных трусов и предателей я кормил и прирел в моем доме, что они позволяют подлому попу оскорблять их господина?» Этот вопль был лаконичным и недвусмысленным: «Неужели никто не избавит меня от этого мятежного попа?»

Услышав эти слова, четверо воинов выскользнули из королевских покоев и незамедлительно отплыли в Англию. 29 декабря 1170 г. они нашли Бекета в его дворце и потребовали, чтобы он подчинился власти короля и отменил акт отлучения от церкви. Бекет отказался; началась перепалка, но архиепископ удалился в собор, где должен был служить вечерню. Рыцари последовали за ним и попытались арестовать его, но он оказал сопротивление, и тогда один из них ударом меча снес ему верх головы. Накинувшись на поверженного Бекета, убийцы нанесли ему несколько ударов мечом и бросили умирать в луже крови на ступенях, ведущих к алтарю. Затем они бежали из страны, сначала в Рим, а затем в Святую землю – в «покаянный крестовый поход», поскольку для покаяния были несомненные основания.

Узнав об убийстве Бекета, вся Европа содрогнулась. Генрих мог утверждать, что он намеревался только арестовать Бекета, но его слова, повлекшие за собой убийство, слышали слишком многие, чтобы их можно было подвергнуть сомнению. В храме Господнем был убит архиепископ, причем убит явно по приказу короля. Реакция на это событие как нельзя нагляднее продемонстрировала, насколько велика была власть церкви в Средние века. На голову Генриха обрушился ад. По мнению архиепископа Санса, преступление Генриха было более тяжким, чем все преступления Нерона, и даже более тяжким, чем преступление Иуды. Король три дня

был в глубоком трауре и, капитулируя перед властью папы римского, признал, что прерогативы короля не распространяются на суд церкви. Затем он выделил землю для строительства новых монастырей и получил от папы разрешение объявить монастыри в Сент-Дейвидсе и на острове Бардсли местами паломничества, что в дальнейшем пошло на пользу валлийскому туризму. Тогда же он подвергся епитимье в Кентерберии. Босым Генрих пришел к дверям усыпальницы Бекета, где разделся и подвергся унижительному бичеванию, а потом целую ночь провел в храме, моля о прощении.

Хотя Генриху предстояло царствовать еще восемнадцать лет, кризис 1170 г. изменил баланс сил в королевстве. Враги уже не так боялись его гнева. Королева Алиенора, с которой он расстался ради любовницы, Прекрасной Розамунды, удалилась в анжуйскую столицу Пуатье, где делала все, что могла, чтобы подорвать власть и авторитет неверного мужа. С помощью Людовика VII Французского она спровоцировала восстание Роберта де Бомона, графа Лестера, и Гуго Биго, графа Норфолка. К 1175 г. Генриху удалось подавить эти восстания, главным образом ценой великодушных амнистий и уступок с его стороны. Прекрасная Розамунда удалилась в монастырь Годстоу возле Оксфорда, в то время как сам Генрих продолжил реформы, начатые его дедом, Генрихом I Боклерком. Было создано шесть судебных округов и вместо «суда божьего»¹² или поединка был введен суд с участием большого жюри. Королевский доход отныне должны были взимать в графствах шерифы. Так возникло понятие «общего права», действительного для всех – мужчин и женщин, простолюдинов и знати, – в отличие от произвола баронов. Благодаря «общему праву» нормандская монархия с ее абсолютизмом получила прививку англосаксонского традиционного права, основанного на обычае, прецеденте, так были заложены основы английских гражданских свобод.

Но, несмотря на эту деятельность, образцом для подражания в политике и культуре для Генриха по-прежнему оставалась Франция, переживавшая тогда «ренессанс XII столетия». Взоры всего королевского двора Англии были обращены через Ла-Манш – на моду, культуру и язык по ту сторону пролива. Узконосые башмаки, облегающие лифы и длинные рукава, плотно облегающие руки до локтя и затем расходящиеся раструбом, заимствовались из Парижа. Образование было столь же космополитичным, как и мода. Внимание общества было сосредоточено на рыцарских турнирах, особенно после появления в 1136 г. сказаний Гальфрида Монмутского о короле Артуре с фантастическими пророчествами волшебника Мерлина. Самым знаменитым был турнир в честь коронации Филиппа II Французского, когда английский рыцарь Уильям Маршал, скрестив копья едва ли не со всеми французскими рыцарями, одержал победу и, по-видимому, покорил сердца едва ли не всех юных дев.

В 1180-х гг. у Генриха II, как когда-то у его деда Генриха I, неожиданно возникли сложности с престолонаследием. В 1183 г. его старший сын умер в Аквитании, но Генрих отказался назначить наследником следующего сына, Ричарда, отдав предпочтение младшему, Джону. В 1188 г. подстрекаемый Алиенорой Ричард бросил вызов отцу, принеся вассальную присягу французскому королю Филиппу. Ричарду в ту пору был уже 31 год, и он стремился осуществить мечту своей жизни – отправиться в Третий крестовый поход, чтобы спасти Святую землю от Саладина, но не решался уехать, пока отец не объявит официально, кто должен унаследовать престол. Однако Генрих решительно отказался назвать наследника, и в конце концов безрассудный Ричард присоединился к французскому королю, напавшему на отцовское графство Анжу.

Генрих II был вынужден начать боевые действия против собственного сына (и своей жены). Случилось так, что в одном бою Ричард столкнулся с непобедимым Уильямом Маршалом, который был верен своему королю. Принц оказался во власти Маршала и молил грозного противника о пощаде. Тот убил его коня и бросил вероломному Ричарду: «А тебя пускай сра-

¹² *Божий суд* – в раннем Средневековье испытание огнем, раскаленным железом или водой (холодной и кипящей).

зит сам Сатана!» Но Генриху II в тот момент было уже пятьдесят шесть, и он был болен. В 1189 г. он поехал в Шинон, замок своей юности. Там ему сказали, что Тур сдался его старшему сыну. Услышав, что его любимец Джон присоединился к восставшему против отца Ричарду, Генрих горестно воскликнул: «Теперь мне больше ничто не дорого на этом свете!» – и объявил Ричарда наследником престола. Он умер, по словам летописца, «как лев, затравленный шакалами».

Великая хартия вольностей 1189–1216 гг

Сыновья Генриха II вновь ввергли Англию в анархию и смуту, как при Стефане и Матильде. Правление Ричарда Львиное Сердце (1189–1199) было краткой и дорогостоящей интерлюдией в истории английской монархии. Его короновали в сентябре 1189 г. в Вестминстере. Коронация была великолепна. Ричард освободил из тюрьмы врагов отца, вернул ко двору мать, Алиенору Аквитанскую. Но его интерес к Англии исчерпывался деньгами, которые она могла ему дать. Он не знал ни слова на языке этой страны и облагал подданных всевозможными налогами: ему нужны были деньги на Крестовый поход, идеей которого Ричард был одержим. Жадность его к деньгам была так велика, что, по слухам, король говорил: «Я бы продал Лондон, если бы только нашел покупателя». Не прошел еще и год после его коронации, как он уехал в Палестину и вернулся в Англию только один раз. Страной правила его мать, брат Джон и юстициарий Уильям де Лоншан. С отъездом короля немедленно вспыхнули волнения. Непосильное налогообложение побудило население Лондона объединиться и избрать своего первого мэра Генри Фиц-Эйлуина. Поскольку мэр отвечал за весьма существенный источник королевского дохода, будущим монархам пришлось считаться с этой новой ветвью власти.

Сражения в Палестине не принесли Ричарду той славы, на которую он рассчитывал, одерживая победы в рыцарских турнирах Нормандии. В лагере крестоносцев вспыхнула эпидемия. Иерусалим не сдавался, и в 1192 г. Ричард вынужден был начать переговоры. Единственным компромиссом, которого ему удалось добиться, была свобода доступа паломников к святыням. Дальше дела пошли еще хуже. Узнав о волнениях в Англии, Ричард приказал своему советнику Хьюберту Уолтеру, пользовавшемуся у него особым доверием, вернуться в Англию и сменить Лоншана в качестве юстициария. А в это время брат Ричарда Джон бежал во Францию и заключил союз с королем Филиппом, чтобы узурпировать власть.

Но прежде чем Ричард успел ответить на возникшую угрозу, он попал в плен и был передан императору Священной Римской империи для получения выкупа. Хьюберту Уолтеру в Лондоне, чтобы освободить короля, пришлось снова выжимать из населения деньги. Большую часть суммы заплатили торговцы шерстью, которые тогда появились в Сити. Выкупленный в 1194 г. стараниями Уолтера, Ричард наградил его, сделав архиепископом Кентерберийским. Оставшиеся пять лет жизни он провел в сражениях с соотечественниками-французами. Умер он на поле боя от заражения крови, великодушно простив на смертном одре сразившего его из арбалета врага.

В это время его брат и наследник Джон воевал против своей страны, будучи союзником ее главного врага Франции. Рыжий в отца, невысокий, ростом около 165 сантиметров, он был прозван Иоанном Безземельным, поскольку, как младший сын, не получил в наследство во Франции никаких земель. Он был заядлым охотником и коллекционером драгоценностей, но пользовался дурной славой человека вероломного и во всех отношениях ненадежного. Поэтому Уолтер в королевском совете настаивал, чтобы наследником был назначен 12-летний племянник Ричарда Артур, но бароны не соглашались. Они не питали симпатии к Иоанну, но уважали законы престолонаследия и, кроме того, не имели ни денег, ни желания воевать – а гражданская война была бы неизбежна, если бы Иоанн не унаследовал корону. Широко распространено мнение, что он приложил руку к последовавшей вскоре смерти юного Артура.

При Иоанне Безземельном (1199–1216) Англия погрузилась в хаос. После смерти Уолтера в 1206 г. между королем и Римом возник конфликт из-за того, кто должен занять кафедру архиепископа Кентерберийского. Папой в это время был могущественный Иннокентий III, при дворе которого было немало честолюбивых английских клириков. Поэтому он послал в Кен-

тербери своего человека, кардинала Стефана Лангтона, но король отказался признать его и в 1209 г. начал конфискацию церковных земель. В ответ Иннокентий III немедленно отлучил Иоанна от церкви. Настойчивое сопротивление баронов и растущее недовольство измученного непосильными налогами народа заставили Иоанна уступить, и в 1213 г. Лангтон все-таки стал архиепископом. Король вынужден был прислушаться к требованию папы относиться с почтением «ко всей английской церкви, которую ты своими нечестивыми преследованиями пытаешься поработить». Совершенно неожиданно Иоанн круто изменил свою политику, признав английское королевство папским леном.

Враги по-прежнему окружали Иоанна со всех сторон. Валлийцы под предводительством Ллевеллина Великого захватывали одну за другой крепости в Валлийской марке. В 1214 г. на короля обрушился еще более тяжелый удар, когда в битве при Бувине французы разбили армию его союзника, Германии, вместе с посланными туда английскими войсками. Бароны использовали это унижительное поражение как оружие против короля, который в ответ нанес им последний отчаянный удар, на который был способен, отлучив их от церкви, благо незадолго до того он присягнул на верность папе как вассал. Король даже выдал своим солдатам туники с крестом Святого Георгия, который считался покровителем крестоносцев.

Неудачи короля привели к восстанию знати. Он укрылся в лондонском Тауэре, под стенами которого собрались вооруженные горожане. В этот критический момент архиепископ Лангтон предложил баронам воскресить существовавшее при Генрихе I понятие коронационной хартии. Бароны собирались требовать не отречения короля, но свобод для подданных во имя «единения всей страны». В июне 1215 г. Иоанн по Темзе перебрался в замок в Виндзоре, где обсуждал – правда, под давлением – хартию, состоявшую из шестидесяти одного пункта уступок. Затем он встретился с мятежниками на лугу Раннимид. Там, на берегу Темзы, сидя под навесом на переносном троне, он скрепил своей печатью Magna Carta, Великую хартию вольностей, и разозленный вернулся в Виндзор.

С тех пор Великую хартию интерпретировали и комментировали в течение столетий. Как указывал Лангтон, это была не первая подобная хартия, и при Генрихе III в нее трижды вносились поправки. Многие статьи касались таких вопросов, как снятие заград в Темзе, содержание пленных валлийцев и обращение с ними или изгнание «чужаков» из числа придворных Иоанна Плантагенета. И тем не менее это была первая в Европе хартия гражданских прав, имевшая целью узаконить определенные свободы.

Статья 12 гласила, что «ни щитовые деньги, ни пособие не должны взиматься в королевстве нашем иначе, как по общему совету королевства нашего», – что, по сути, является ранней версией запрета на введение налогов без обсуждения с представителями налогоплательщиков. В статье 39 утверждался принцип habeas corpus: «ни один свободный человек не будет арестован, или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо [иным] способом обездолен... иначе, как по законному приговору равных ему и по закону страны». Статья 40 формулирует право, которым часто пренебрегали: «никому не разрешено покупать права и справедливость, никому нельзя отказывать в них или замедлить их осуществление». Статья 52 гласит: «если кто был лишен нами, без законного приговора... своих земель, своих замков, своих вольностей или своего права, мы немедленно же вернем ему их; и если об этом возникла тяжба, пусть будет решена она по приговору двадцати пяти баронов, о которых сделано упоминание ниже, где идет речь о гарантии мира».

Эта хартия создала прецедент, к которому потом неоднократно возвращались конституционалисты, в результате чего она в ретроспективе приобрела значимость, какой в свое время ей, возможно, и не придавали. Шекспир в исторической драме «Король Иоанн» (King John) даже не упоминает о ней. Однако Великая хартия вольностей не могла быть не написана. Великая хартия вольностей – один из главнейших правовых документов, ограничивающих грубую силу и самовластие, и именно поэтому ей придавали большое значение революционеры XVII в.

В то же время хартия охраняла права баронов, находящихся в оппозиции к королевской власти. В результате слабости и некомпетентности короля оппозиция значительно окрепла. В своих владениях бароны были важными персонами и обладали большой властью. Им принадлежали обширные земельные наделы, в феодальной зависимости от них находились рыцари, вилланы, крепостные. Но произошел сдвиг в самой основе власти: от неограниченных полномочий монарха и произвола в сторону современного права и современного парламента.

Подписав Великую хартию вольностей, Иоанн тут же обратился к новому владыке Англии, папе римскому, с просьбой немедленно аннулировать этот документ. В сентябре папа удовлетворил его просьбу, причем в весьма своеобразных выражениях. Папа Иннокентий написал, что хартия «не только гнусна и позорна, к тому же она незаконна и несправедлива». Он осудил ее «от имени Господа Всемогущего, Бога Отца, Бога Сына и Духа Святого, от имени Святых Петра и Павла и от всех двенадцати Апостолов!».

Бароны ответили Иоанну так, как он ответил своему брату Ричарду и как Ричард ответил их отцу Генриху I: они обратились за помощью к Франции, которая становилась другом для каждого, кто был врагом английского короля. Бароны пригласили наследного принца Франции Людовика вторгнуться в Англию и захватить корону. В 1216 г. принц (будущий король Франции Людовик VIII) высадился со своим войском на южном побережье Англии и вошел в Лондон. Он обосновался в Тауэре, куда многие бароны явились, чтобы присягнуть ему на верность. Такого в Англии не случалось со времен Нормандского завоевания.

Стоило какому-нибудь английскому королю оказаться в беде по вине французов, как кельтские окраины спешили воспользоваться случаем. В Уэльсе Ллевеллин двинул свои силы на юг в Валлийскую марку и дошел до самого Кармартена. Король Шотландии Александр III воспользовался возможностью продвинуться до реки Тайн, чтобы заявить свои права на древнее королевство Нортумбрия. Он дошел на юге до самого Дувра с намерением принести вассальную клятву Людовику и этим подкрепить свои притязания.

Тем временем король Иоанн спасался бегством, скитаясь по собственному королевству, опустошая мятежные территории и предавая огню города и деревни, которые отказывали ему в помощи. Октябрь 1216 г. застал беглеца в Восточной Англии. Здесь он заболел дизентерией, к тому же во время поспешной переправы с обозом через залив Уош погиб весь его багаж, а с ним и драгоценности короны, что Иоанн воспринял как грозное предзнаменование, символизирующее потерю власти.

Вскоре после этого Иоанн умер в Ньюарке – измученный, больной, покинутый друзьями. Некоторые говорили, что он был отравлен, другие – что он объелся персиков. Слуги разворовали его имущество еще до того, как перенесли тело в Вустер для погребения. Хотя ему, как опытному воину, случалось иногда одерживать победы, он считается одним из самых непопулярных английских монархов. По отсутствию благочестия, по закоренелой врожденной неискренности он мог сравниться только с Ричардом III. Его современник Матвей Парижский писал: «Как ни мерзок Ад в нашем представлении, даже Ад не может своей мерзостью превзойти мерзость короля Иоанна». Один трубадур пел в своей песне: «Никто не может доверять ему, потому что сердце его слабо и трусливо». И все-таки это Зло послужило катализатором для возникновения Добра, превосходившего его по силе: вопреки и благодаря ему возникла Magna Carta, Великая хартия вольностей.

Генрих III и Симон де Монфор 1216–1272 гг

Если в правление такого короля, как Иоанн Безземельный, англичане сумели добиться определенных гражданских прав, закрепив их в Великой хартии вольностей, что могло произойти в период нестабильности, когда на престоле оказался малолетний король? На момент смерти Иоанна 9-летний Генрих III (1216–1272) находился на западе страны на попечении лорда из Валлийской марки Уильяма Маршала, воина-ветерана, и папского легата кардинала Гуалы. Маршал без промедления доставил мальчика в Глостерское аббатство и там возложил золотой обруч на его голову. Вскоре прибыли остальные придворные, оставшиеся верными Иоанну, которые при виде трогательного ребенка, «этой крохотной искорки хрупкой красоты, единственной надежды разорванного в клочья королевства», плакали.

Помазанный на царство и одобренный папой король, несмотря на его нежный возраст, символизировал собой законность, поэтому бароны и королевские судьи, ранее принявшие сторону французского самозванца Людовика, теперь сплотились вокруг юного Генриха III и регента Маршала. В их число входили влиятельные вельможи Хьюберт де Бург, Питер де Рош и командующий королевскими войсками Фокс де Бреоте. Действуя как королевский совет, они подтвердили силу Великой хартии вольностей, а летом 1217 г. им удалось повернуть ход событий против Людовика. Войска самозванца были разбиты отрядами конных рыцарей в беспорядочной битве на узких улочках Линкольна, а флот рассеян кораблями де Бурга в битве при Дувре. Людовик спешно ретировался во Францию, где ему предстояло унаследовать престол и стать королем Людовиком VIII (1223–1226). В 1219 г. умер Уильям Маршал. Его похоронили в церкви тамплиеров в Лондоне, где и сейчас можно увидеть надгробие – строгое изображение благородного рыцаря.

В первое десятилетие царствования Генриха государством управлял Хьюберт де Бург. Он был воином, регентом и фактически заменил юному королю отца. Он восстановил систему государственного управления в том виде, какой она была во времена Генриха II, включая выездные сессии королевских судей и апелляционный суд казначейской палаты, ведавший разбором гражданских дел, в которых одной из сторон выступала корона. Во внешней политике он прежде всего стремился заключать экономические договоры с Францией. В целом в 1220-х гг. Англия переживала период расцвета. Стараниями приглашенных из Франции архитекторов в соборах появились горделиво вознесшиеся ввысь хоры и стрельчатые окна – атрибуты нового готического стиля, который постепенно вытеснял тяжеловесный нормандский романский стиль. Красочные витражи украсили соборы в Солсбери, Линкольне и Уэлсе. Для своих творений зодчие заимствовали идеи у строителей, возводивших соборы в Шартре и Бове. Французского архитектора Гийома из Санса пригласили перестроить хоры Кентерберийского собора. Генрих осуществил свою давнюю мечту – перестроил усыпальницу Эдуарда Исповедника в Вестминстерском аббатстве. Новые величественные сооружения представляли собой полную противоположность полуразрушенным, выполненным из дерева и камня постройкам средневековых английских городов. Архиепископ Лангтон радушно принял в Англии новых братьев-проповедников из нищенствующих орденов, сначала доминиканцев в 1221-м, а затем францисканцев в 1224 г. Их аскетизм резко контрастировал с непопулярной несдержанностью бенедиктинцев.

Несмотря на все попытки остудить страсть дворян к рыцарским турнирам, нормандский культ рыцарства не ослабевал. Пока юный Генрих был подростком, де Бург делал все от него зависящее, чтобы обуздать зарождавшиеся в нем воинственные наклонности. Однако в 1229 г. 22-летний король вышел из-под контроля опекуна. Не одаренный талантом военачальника, он

тем не менее мечтал снискать славу в бою. Генрих снарядил экспедицию во Францию, задумав вернуть владения, утраченные Иоанном, и за эту авантюру пришлось заплатить очень высокую цену. В 1236 г. король женился на Элеоноре, 13-летней дочери графа Прованса Раймунда V. Свадьба была очень пышной. Среди гостей был сам король Франции Людовик IX со свитой из 300 рыцарей. Повзрослев, Элеонора превратилась в красивую и напористую королеву, всячески пытавшуюся пристроить своих родственников. Ее окружение составляли представители королевских фамилий из Пуату и Савойи, и ее семья настаивала, чтобы их щедро осыпали высокими светскими и духовными должностями. Именно от таких «чужаков» и предостерегала Великая хартия вольностей. Выходцы из Пуату говорили на окситанском языке, распространенном на юге Франции, и в результате бароны протестовали против засилья иностранной речи, вытеснявшей «английский язык», под которым они на самом деле подразумевали французский. Однажды, когда лодка Элеоноры шла на веслах по Темзе, ее забросали гнилыми фруктами.

В своем правлении Генрих не придерживался принципов Великой хартии вольностей, склоняясь к авторитарной форме власти, напоминающей французскую монархию. Он чтит папский престол и даже как-то раз заметил: «Когда мы были сиротами, неоперившимися птенцами, именно Римско-католическая церковь стала нам матерью... которая посадила нас на трон». К неудовольствию английских епископов, пятую часть годового дохода церкви он отсылал в Рим. Бароны, к которым Генрих обращался за финансовой поддержкой, весьма неохотно давали деньги на его экстравагантные траты. При дворе он все больше привечал родственников супруги. Генрих даже завел в Лондоне первый зоопарк, который содержался в Тауэре. Среди живых экспонатов были плававший в Темзе белый медведь, львы, змеи, носороги и слон. Страус умер, наглотавшись столового серебра. Позднее посетители за вход должны были платить деньги либо приносить кошку или собаку на корм львам.

В 1252 г. король совершил непоправимую тактическую ошибку. Он отстранил своего шурина Симона де Монфора от управления провинцией Гасконь. Оскорбленный де Монфор на королевском совете возглавил баронскую оппозицию. Сын сурового воина Симона де Монфора-старшего, де Монфор-младший был женат на сестре Генриха Элеоноре, вдове Уильяма Маршала. Любой, кто вступает в открытую конфронтацию с королем, неизбежно привлекает к себе остальных недовольных. К де Монфору примкнули мятежные бароны, недовольные лондонские горожане и представители духовенства, страдавшие от «чужеземной монархии». Когда в 1253 г. Генрих решил предпринять очередной поход во Францию, его брат Ричард Корнуоллский не смог собрать необходимых денег для кампании и потребовал созвать *parlement* (от *фр.* *parler* – говорить), в котором должны были принять участие не только бароны и епископы, но и представители графств. Этот совет, ставший прототипом будущего парламента, впервые собрался на Пасху 1254 г.

Теряющий влияние Генрих допустил еще несколько ошибок на дипломатическом поприще. Едва заключив мир с королем Франции Людовиком, он решил сделать своего сына Эдмунда королем Сицилии, а своего брата Ричарда – римским королем. Была только одна загвоздка: необходимо было выплатить астрономическую сумму в 135 000 фунтов на содержание армий, которые бы обеспечили оба трона. Но после нескольких неурожайных лет Англия отчаянно страдала от голода, и бароны ответили королю категорическим отказом. В 1258 г. представители семи самых знатных фамилий под предводительством Симона де Монфора потребовали от короля дальнейших реформ. «Клянусь Богом, – гневно крикнул Генрих де Монфору, когда они, отправившись на охоту, попали в грозу, – ты пугаешь меня больше, чем все громы и молнии мира». Ходили слухи, что де Монфор настаивал на заключении короля «под стражу, как Карла Простоватого».

В результате положения Великой хартии вольностей были пересмотрены в так называемых Оксфордских провизиях, или Оксфордских постановлениях. В этих постановлениях

бароны требовали, чтобы «иноземцы» были отстранены от управления государственными делами заодно с папскими эмиссарами и чужестранными банкирами. В Оксфордских постановлениях речь уже шла не только о гражданских свободах, но и о структуре монархического правительства. Совет 15 баронов во главе с Симоном де Монфором был поставлен над королевским советом из 24 человек и был подотчетен парламенту. Последний должен был собираться три раза в год по созыву короля или самостоятельно. Разногласия между парламентом и королем в конце концов вылились в вооруженное столкновение, кульминацией которого стала довольно сумбурная битва при Льюисе в 1264 г. Королевская армия потерпела сокрушительное поражение. Сам Генрих и его сын Эдуард были захвачены в плен войсками де Монфора.

Впервые Англия почувствовала вкус парламентского правления, но счастья и благополучия оно не принесло. В июне 1264 г., спустя месяц после сражения при Льюисе, де Монфор собрал новый парламент, куда пригласил по два рыцаря из каждого графства и по два «выборных» представителя из каждого большого города (city). Целью созыва было обсуждение не только налогов, но и всех вопросов, затрагивавших общественные интересы. Это собрание представителей традиционно считается прообразом английского парламента. Но его заседание состоялось только в январе 1265 г. на поле возле замка Кенилуэрт. Состав представителей точно не установлен, хотя известно, что прибыло только пять графов и восемнадцать баронов. И уже через месяц парламент самораспустился.

Де Монфор не уловил момент, когда перегнул палку. Он в очередной раз убедился, что английские бароны были в состоянии сплотиться против короля, но не могли избежать раздоров и конфликтов между собой. Когда на лугу Раннимид подписывалась Великая хартия вольностей, Англия уже созрела, чтобы иметь палату лордов, но она не была готова к палате общин. Избавившись от ненавистных «чужаков» Генриха, бароны нашли себе новых врагов в лице нетитулованных парламентариев де Монфора. Лорд из валлийской марки Гилберт де Клер переметнулся в лагерь короля и начал возводить крепость Кайрфилли на территории графства Гламорган в Уэльсе. Крепость представляла собой уникальное сооружение с огромными сторожевыми башнями и наружными донжонами, опоясанное искусственными водоемами. Сын короля Эдуард бежал из плена¹³ и обратился за помощью к баронам, настроенным враждебно к новому парламенту. Не прошло и года после битвы при Льюисе, как в 1265 г. де Монфор столкнулся с молодым Эдуардом в сражении при Ившеме. Его участь решила измена валлийских всадников Ллевеллина во «время благородного кровопускания, беспрецедентного с момента Нормандского завоевания Англии». Пленного Генриха как символ законности перед сражением де Монфор велел принести на поле битвы в паланкине. Король был случайно ранен в бою и просил о пощаде. После битвы, окончившейся полной победой войск Эдуарда, старик признался, что не смел взглянуть на своего мятежного сына, «чтобы не кинуться обнять его».

Победители надругались над трупом де Монфора, расчленив его и насадив голову на копье, чтобы показать, что он окончательно утратил власть, но его сторонники еще целых девять месяцев держали оборону в замке Кенилуэрт. Окруженный широким оборонительным рвом, замок оказался практически неприступным для нападавших. Тогда в ход пошли все возможные средства, чтобы захватить мятежников, от чумных трупов до предания отступников анафеме. В конце концов осажденных отпустили на свободу. Новый парламент, созванный королем, отменил многие из оксфордских постановлений де Монфора, но бароны позаботились о восстановлении своих прав на собственность с помощью Статута Мальборо, сборника законодательных актов, принятых в 1267 г. Это самый ранний сборник законов, принятый парламентом и до сих пор имеющий силу, «предназначенный для разрозненного собрания людей

¹³ В хронике Роберта Глостерского говорится, что 25 мая 1265 г. на скачках, устроенных в Херефордском замке, принц Эдуард убедил своих тюремщиков позволить ему сесть на лошадь и, выиграв гонку, прищипорил коня, крикнув на прощание: «Это был добрый день!»

как высокого, так и низкого сословия... изложенный в письменной форме, должен соблюдаться всеми жителями королевства отныне и вовек». В Англии наконец воцарился мир.

В старости Генрих стал еще более набожным. Его кумиром был король Эдуард Исповедник. Стены своей спальни Генрих приказал расписать картинами на тему жизни канонизированного короля. В 1269 г. была закончена реконструкция Вестминстерского аббатства. Отреставрированное в готическом стиле здание поражало великолепием. Умер Генрих в 1272 г. В меру своих сил он правил страной на протяжении 56 лет. Правление Генриха стало кульминацией могущества баронов и парламента в период Средневековья. За этим последовали три столетия правления Плантагенетов и Тюдоров, временами носившего тиранический характер, прежде чем в XVII в. парламент снова смог утвердиться на английской земле. Но Великая хартия вольностей и парламент де Монфора не канули в прошлое бесследно. Для последующих поколений они оставались примером согласия с властью, примером, на который постоянно ссылались, когда монархи были готовы открыто выступить против народа, которым правили.

Усмирение кельтов 1272–1330 гг

Наследник Генриха, смуглый гигант ростом 188 сантиметров, был провансальцем по матери и Плантагенетом. О смерти отца Эдуард I (1272–1307) узнал на Сицилии, где остановился, возвращаясь из Крестового похода. Но это известие не заставило его спешить домой, еще два года он провел во Франции и прибыл в Англию только в 1274 г. Ему было 35 лет. В свое время он спас отца и помог ему подавить восстание баронов, но когда-то принц поддерживал де Монфора и понимал, что власть монарха должна осуществляться посредством законов. Этому противоречил темперамент Плантагенетов и привычка к насильственным действиям. Он выстраивал отношения с кельтами так же, как с гасконцами, – с неизменной воинственностью. Но такая воинственность лишала его правление мира и истощала казну государства. Единственный человек, к которому он относился с неизменной нежностью и добротой, была его супруга Элеонора Кастильская, родившая королю шестнадцать детей.

Коронацию Эдуарда в 1274 г. сопровождали самые пышные празднества, какие только помнил Лондон. Монастыри получили приказ доставить лебедей, журавлей, щук, угрей и лососей. На пиршестве в Вестминстерском дворце съели 60 коров, 40 свиней и 3000 птиц. Из фонтанов в Чипсайде лилось красное и белое вино, рыцарям было приказано пустить по улицам города лошадей – кто смог поймать коня, забирал его себе. Полагаясь на советы опытного лорда-канцлера Роберта Бернела, Эдуард издал королевский приказ: собрать в каждой сотне коллегии присяжных, чтобы подготовить перепись населения и зафиксировать жалобы и недовольство. Для сбора данных разослали специальных уполномоченных. На этой основе был издан целый ряд Вестминстерских статутов, ставших первым сводом английских законов, основанных на принципах Великой хартии вольностей. Эти законы регулировали земельные отношения, вопросы торговли, отношения с церковью и общественный порядок. Все они были приняты в разное время на заседаниях парламентов, в которых участвовали представители «всякого звания» – бароны, рыцари и бюргеры. Эти парламенты король созывал в первые пятнадцать лет своего правления, и если Генриха III можно назвать отцом парламента, то Эдуарда – его повитухой.

Самым радикальным решением нового короля была проверка ленных грамот, то есть расследование того, «на каком основании» феодальные бароны владели землей и на местах вершили правосудие, своего рода «Книга Страшного суда» власти. Бароны должны были предстать перед разъездными судебными комиссиями и доказать свое наследное право. Мера эта была весьма непопулярна. Когда королевские инспекторы потребовали, чтобы граф Варенн, один из лордов англо-шотландского пограничья, предъявил им доказательство своих прав, тот, размахивая перед ними ржавым мечом, которым сражался его предок в битве при Гастингсе, кричал: «Вот мои доказательства!» Впрочем, бароны были не единственными, кто испытал на себе крутой нрав Эдуарда.

К 1270 г. Уэльс впервые ощутил вкус национального единства. Воспользовавшись тем, что Генрих III увяз в войне с баронами, Ллевеллин Великий и его внук, Ллевеллин Последний, укрепили свою власть над большей частью Уэльса. Генрих III эту власть признал, подписав в 1267 г. договор в Монтгомери. Но, поскольку Ллевеллин Последний был союзником де Монфора и его зятем, Эдуард потребовал, чтобы валлиец присутствовал на его коронации и принес клятву вассальной верности. Когда же тот отказался присутствовать на церемонии, отказ посчитали открытым неповиновением.

Захват армией Эдуарда северной части Уэльса стал самой дорогостоящей военной операцией, когда-либо проходившей на Британских островах. Он породил вражду, которая ощуща-

ется до наших дней. Огромная армия в 15 000 профессиональных солдат собралась у Честера, сопровождаемая транспортом для переправы по воде, оборудованием для укладки дорог и вещевым обозом. Архитектор Жак де Сен-Жорж из Савойи получил приказ собрать каменщиков со всех уголков Англии. К августу королевская армия пересекла королевство Гвинед и вышла к острову Англси. Весь урожай валлийских земледельцев пошел на пропитание английской армии, валлийцы остались без продовольствия. Ллевеллин решил сдаться без боя и принести клятву верности Эдуарду. Но тот обязал валлийца выплатить еще и денежный штраф в размере 50 000 фунтов. Собрать такую сумму было невозможно, и это поставило короля Уэльса в зависимость от милости английского правосудия. Выплатить назначенный штраф ему так и не удалось. Когда спустя три года брат Ллевеллина Давид поднял против англичан восстание, для рода Ллевеллинов это означало приближение конца. Ллевеллин Последний погиб в бою в 1282 г., а Давида протащили по улицам и казнили через повешение, потрошение и четвертование. Он стал первой жертвой того вида казни, которая потом считалась обычным наказанием за измену.

Теперь Эдуард принялся за укрепление безопасности своего королевства. Замки-крепости на севере Уэльса, построенные под руководством мастера Жака, напоминали замки крестоносцев Леванта и должны были приводить валлийцев в «потрясение и трепет». Стены Карнарвона повторяли укрепления Константинополя, воскрешая мечты Эдуарда о Североевропейской империи. Не случайно король признал якобы найденную монахами в Гластонбери корону легендарного короля Артура, а также останки Артура и Гвиневры как подлинные и торжественно перезахоронил их там же в монастыре. Вокруг замков в Бомарисе, Харлеке, Карнарвоне и Конуи были построены укрепленные городки, такие же как в Гаскони. Их планировка с пересекающимися под прямым углом улицами заметна и сегодня. Эти городки заселялись исключительно англичанами, в укрепленных поселениях валлийцам было запрещено иметь собственность или вести торговлю.

После покорения Уэльса Эдуард обратил свой взор на Шотландию. После смерти в 1286 г. шотландского короля Александра III в борьбу за шотландский престол вступили Иоанн Баллиоль и Роберт Брюс. Английское влияние к северу от английских границ восходило к феодальной присяге, которую периодически приносили шотландские короли англосаксонским правителям. Эдуард возродил эту традицию, оказав поддержку Иоанну Баллиолю. Это привело в ярость шотландских баронов, и они решились на шаг, который впоследствии неоднократно предпринимали каждый раз, когда грозили неприятности со стороны Англии: они обратились за помощью к Франции.

Эдуард был опытным полководцем и мог бы добиться союза с кельтскими окраинами, если бы до этого он не подверг их таким жестоким репрессиям. А теперь он оказался в той же западне, что и многие другие средневековые английские монархи: его окружали озлобленные кельты и недружелюбные французы. В 1290 г. Эдуард пополнил свою казну путем весьма решительных шагов, изгнав из Англии всех евреев и присвоив имущество их должников. Около 3000 евреев заполонили восточные порты, чтобы найти приют в Польше и Балтийских странах, и возвратились в Англию только после того, как их пригласил назад Кромвель. В том же году в Линкольне умирает королева Элеонора. Эдуард безутешен. Он приказал перевезти ее тело в Лондон и на каждой остановке по пути следования печального кортежа с телом усопшей воздвигать крест в память о «дорогой королеве». Последний такой крест установили на перекрестке Чаринг-Кросс в Лондоне.

Эдуарду все так же не хватает денег. Он направляет на военные расходы даже суммы, ассигнованные на личные расходы короля. Решения о сборе налогов и расходовании средств принимал Тайный совет, в который входил только узкий круг советников короля, в обход кандидатур, предусмотренных хартией, подписанной Генрихом III. Но Эдуард понимал, что его подданные «боятся, что та помощь и те налоги, которые они раньше оказывали и выплачивали

по собственной воле... могут в будущем стать сервильной повинностью для них и их потомков». Именно Эдуард стал первым монархом, который так четко сформулировал сущность отношений между деньгами и народным согласием. Соответственно, в 1295 г. он созывает новый парламент, который позже получит название «образцового», чтобы тот проголосовал за выделение денег на его бесконечные военные походы. Король собрал графов, баронов, епископов и аббатов в баронскую палату, а 292 представителей общин – в палату общин, куда вошли горожане из 70 городов. Этот парламент впервые стал двухпалатным. И вскоре он весьма пригодился Эдуарду, ведь на войны король расходовал до 250 000 фунтов в год.

В 1296 г. король Шотландии Иоанн I Баллиоль под давлением своих баронов отрекся от вассальной присяги, которую принес Эдуарду. В ответ английский король разорил приграничный город Берик, один из самых крупных и богатых в Шотландии. Баллиоля захватили в плен, прилюдно отобрали корону, скипетр и державу и под конвоем выслали в Англию. Вместе с ним в Англию перевезли и шотландский «Камень судьбы», или Сконский камень¹⁴. За исключением того недолгого периода, когда в 1950 г. камень выкрали шотландские студенты, реликвия оставалась в стенах Вестминстерского аббатства, в основании трона Эдуарда. Но в 1996 г. правительство Джона Мейджора вернуло камень на родину как своего рода альтернативу ограниченной автономии, которой требовала Шотландия.

Шотландский дворянин Уильям Уоллес был следующим, кто поднял флаг восстания. Его войска нанесли поражение англичанам неподалеку от Стерлинга, и Уоллес из кожи английского наместника, сборщика налогов, сделал перевязь для своего меча. Почти десять лет Уоллесу удавалось ускользать от англичан, но в 1305 г. его все-таки схватили и привезли в Лондон, где он был повешен, утоплен, а потом четвертован. Впрочем, даже такая казнь не устрасила шотландцев. Спустя год Роберт Брюс подхватил эстафету Уоллеса и даже объявил себя королем Шотландии. Эдуард пришел в ярость и приказал убить всех родственников Брюса, которых смог найти в Англии. Он посвятил в рыцари 300 молодых аристократов, планируя, как он полагал, последнюю кампанию против шотландцев. По дороге в Шотландию возле города Карлайл 68-летний Эдуард серьезно заболел. Тем не менее, желая лично возглавить армию, он приказал, чтобы ему помогли сесть на коня. Но вскоре король умер.

Эдуард I вошел в анналы как «великий и грозный король... покоритель земель, рыцарь рыцарей». На надгробии его могилы в Вестминстерском аббатстве написано: «Edwardus primus scottorum malleus hic est» («Здесь лежит Эдуард I, Молот шотландцев»). Но этот молот не принес мира. После него на кельтских землях постоянно вспыхивали жестокие восстания.

Новый король, 23-летний Эдуард II (1307–1327), так отличался от своего воинственного отца, что у некоторых даже возникали сомнения относительно его происхождения. В тот момент, когда Эдуард II вступил на престол, он готовился к заключению брачного союза с Изабеллой, 12-летней дочерью короля Франции. Как и многим королевам, супругам слабых английских монархов, ей суждено было впоследствии стать сильной половиной в супружеской чете. Юная невеста стала свидетельницей фривольного поведения Эдуарда с его близким другом Пирсом Гавестоном. Незадолго до этого Эдуард I выслал его, посчитав недостойной компанией для своего сына, но после смерти отца Эдуард II вновь приблизил Гавестона. Родственники Изабеллы были возмущены поведением этой пары во время свадебного застолья, на которое Гавестон пришел в королевском пурпуре, отороченном жемчугами, и немедленно покинули пиршество.

Был ли король гомосексуалистом, неизвестно, но Гавестон, бесспорно, имел на него огромное влияние. Теперь в Англии был самостоятельный совет, который король никак не мог игнорировать, и все попытки в начале правления отменить полномочия, которыми наделил

¹⁴ Сконский камень, или Камень судьбы, – священная реликвия, блок песчаника весом 152 килограмма, на котором были коронованы 34 короля Шотландии.

этот совет Эдуард I, натолкнувшись на серьезное противодействие. В 1308 г. совет принес клятву на верность короне, а не лично королю и затем потребовал изгнать Гавестона. Когда Эдуард стал настаивать на возвращении фаворита, Гавестона схватили и без долгих разбирательств казнили. Убитый горем король несколько недель хранил у себя тело убитого друга, пока зловонный разложившийся труп не вынесли прочь.

Спустя два года Эдуард решил повторить военный поход отца и усмирить непокорных шотландцев. Он показал себя отважным воином, но тактиком оказался бездарным. Возглавив большую, но недостаточно дисциплинированную армию, Эдуард двинулся на север, собираясь освободить осажденную крепость Стерлинг, однако при Бэннокберне, неподалеку от Стерлинга, попал в засаду, устроенную небольшим отрядом шотландцев под командованием Роберта Брюса. Два дня сражений привели к самому позорному поражению английской армии на британской земле со времен битвы при Гастингсе. Эдуард потерял две трети своих солдат и был вынужден на корабле бежать из Данбара.

Место Пирса Гавестона в качестве фаворита Эдуарда занял безжалостный и крайне непопулярный Хью Диспенсер. Хью было жаловано графство Глостер с обширными землями в Валлийской марке – в Гламоргане и Кармартене, позднее он добился также, чтобы король передал ему земли де Клеров в Гауэре и Уске. Это вызвало недовольство баронов, опасавшихся за свои владения. В результате снова вспыхнула война баронов против короля. Во главе стоял Роджер Мортимер, лорд из Валлийской марки, которого Диспенсер вынудил бежать во Францию. Именно во Франции в 1325 г. Мортимер повстречал 29-летнюю Изабеллу, отдалившуюся от супруга. Королева разделяла ненависть барона к новоявленному фавориту короля. Красивая и умная Изабелла заявила: «Кто-то встал между моим супругом и мною; я стану носить траурные одежды до тех пор, пока не буду отомщена». Но она пошла еще дальше. В Париже Изабелла и Мортимер стали любовниками, дав пищу злословию и вызвав скандал при французском королевском дворе. По распоряжению брата Изабеллы, короля Франции, любовников отослали во Фландрию.

Всего за один год Изабелла нашла достаточно сторонников среди недовольных английских баронов, чтобы рискнуть вернуться в Англию. В сентябре 1326 г. она в сопровождении Мортимера высадилась в Восточной Англии и стремительным наступлением вынудила Эдуарда и Диспенсера бежать на запад страны, где Диспенсера схватили в Херефорде и приговорили к казни в присутствии королевы. Казнили его с неслыханной жестокостью: повесили, как вора, оскопили, заставив смотреть, как горят на костре его гениталии, снова повесили, а потом его, все еще находящегося, как ни удивительно, в сознании, выпотрошили и четвертовали. Воистину, недаром Изабелла получила прозвище Французская Волчица.

Избавиться от своего супруга королеве оказалось не так просто. Созванный в Вестминстере парламент столкнулся с той же проблемой, которую позже представляли Ричард II и Карл I: как избавиться от законного короля, помазанника Божьего. Короля не судили, ведь он не совершал никакого преступления. Епископы считали, что главу государства нельзя свергнуть, но ему можно предложить отречься. Когда в январе 1327 г. Эдуарду, которого содержали в Кенилуэрте, сделали такое предложение, он со слезами на глазах согласился – при условии, что вместо него корону получит их с Изабеллой 14-летний сын Эдуард. Коронация Эдуарда III прошла надлежащим образом, а его низложенный отец был отправлен в замок Беркли, где его в том же году убили, вероятно, по приказу Изабеллы. Рассказы о том, что его насадили на раскаленное копьё, словно в расплату за мужеложство, скорее всего, досужие вымыслы. Вероятнее всего, его просто задушили.

Двадцатилетнее правление Эдуарда II, при всей его политической и военной некомпетентности, стало периодом расцвета культуры. Он был человеком тонкого вкуса, не жалел денег на готическую архитектуру и богато украшенные миниатюрами манускрипты. Неповторимые лестницы и своды собора в городе Уэльсе возведены именно в период правления Эдуарда II.

Он стал первым королем, создавшим колледжи в Оксфорде и Кембридже, заказывал изысканные псалтыри и Евангелия. Но такие качества не прибавляют авторитета королю, который не в состоянии удержать корону или защитить свое наследство. На смену правлению Эдуарда пришла железная диктатура Мортимера и Изабеллы, которые правили от имени малолетнего Эдуарда III (1327–1377).

Мальчик оказался настолько же не похож на отца, как его отец – на Эдуарда I. Он рос, как все считали, под деспотичным надзором своей матери. Но в 1330 г. в возрасте 17 лет Эдуард неожиданно совершил весьма смелый поступок. Изабелла и Мортимер тогда вместе со своим двором остановились в замке Ноттингем. Эдуард в сопровождении отряда из двадцати трех дворян прокрался по тайным проходам замка и захватил любовников в плен. Мортимера перевезли в Лондон и вскоре казнили, хотя Эдуард уступил мольбам беременной матери и не подверг «благородного Мортимера» жестокой казни через повешение, потрошение и четвертование. Мать-королеву юный монарх отдалил, отправив в ссылку в уютный замок Ризинг в Норфолке. Так Эдуард занял трон, осуществив своего рода пародию на рыцарские романы.

Столетняя война 1330–1377 гг

Сначала двор юного Эдуарда III был поглощен пышными празднествами и рыцарскими турнирами. Король был типичным Плантагенетом – хорошо сложен, с длинными волосами и бородой, щедрый и несдержанный. Ему предстояло показать себя прекрасным воином, и он считается одним из лучших военачальников в английской истории, хотя и не столь блестящим в управлении государством. В юности его помыслы занимали пиры в стиле короля Артура, рыцарские турниры и маскарады. Придворные зачитывались рыцарскими романами и разыгрывали их в жизни, в опасных связях и интрижках. Эдуард любил наряжаться сэром Ланселотом, а когда его мать, Изабелла Французская, получила разрешение вернуться ко двору, она явилась в образе Гвиневы, в платье из расшитого серебром шелка, украшенном 600 рубинами и 1800 жемчужинами, «в сопровождении менестрелей, охотников и слуг».

Все эти развлечения требовали денег и побуждали к вечным войнам. Аристократы при дворе Плантагенетов и их вассалы неизменно красовались в воинских доспехах, это были солдаты в поисках драки. Фруассар, летописец этого англо-французского мира, писал: «Англичане никогда не будут любить и уважать короля, если он не побеждает в битвах, если не любит войну и не рвется воевать со своими соседями». Эдуард с готовностью вернулся к старому вопросу, стоявшему еще со времен Нормандского завоевания: сколькими народами правит король Англии? Он постоянно воевал с шотландцами, регулярно воевал с ирландцами, но эти войны были лишены романтического ореола сражений на континенте. Франция – вот страна, находившаяся в фокусе интересов куртуазного рыцарства. Население, проживавшее на территории этой страны, в четыре раза превышало население Англии: 20 миллионов против пяти. В жилах самого Эдуарда тоже текла французская кровь, монарх с его французским языком, на котором изъяснялись при дворе, был чужим для народа Англии. Но из-за ошибок его предка, короля Иоанна Безземельного, на территории Франции Эдуарду III принадлежала только Аквитания.

Когда в 1328 г. умер, не оставив наследника, король Франции Карл IV Красивый, мать Эдуарда III Изабелла, сестра умершего монарха, заявила о правах на трон своего сына. Другим претендентом был двоюродный брат Карла, Филипп Валуа, который и унаследовал французский престол. Таким образом, столкнулись интересы двух родственников – родной сестры почившего монарха и его двоюродного брата. В соответствии с салическим законом, принятым во Франции, женщины не могли ни наследовать корону, ни передавать это право своим потомкам. Но английский правящий дом никогда не признавал салического закона, и, когда в 1330 г. Эдуард достиг положенного возраста и взял всю полноту власти в свои руки, этот вопрос снова вызвал серьезные споры. Долгие годы уклончивых дипломатических переговоров привели к тому, что французы стали поддерживать набеги шотландцев на английские пограничные земли и пиратские нападения на торговые суда, перевозившие на континент английские шерсть и вино. В 1337 г. оба монарха, английский король Эдуард III и французский король Филипп VI, объявили о начале войны. В 1340 г. с морского сражения при Слейсе начались военные действия. Английский флот под личным командованием Эдуарда нанес поражение французам, обеспечив Англии превосходство на море, и в частности в проливе Ла-Манш. Эта победа позволила свободно перебрасывать войска на территорию Франции. Французы потеряли в бою более 200 кораблей, люди прыгали за борт, чтобы спастись от града английских стрел. Море стало красным от крови. По поводу этого сражения говорили: «Если бы Бог дал рыбе возможность говорить, то она заговорила бы по-французски, так как съела очень много французов».

Так начался военный конфликт, который впоследствии получил название Столетней войны. Первый эпизод выглядел как происшедшая на море рыцарская битва. Но в истории Европы это было страшное время. В тот период климат на севере Европы стал более суровым и холодным. Люди страдали от неурожаев и голода. Вспышки бубонной чумы унесли почти треть населения. Военные столкновения в основном происходили на северо-западе Франции, в результате эта часть страны была полностью опустошена. На поле боя главенствовали два вида оружия: английский длинный лук и французская пушка, но за его пределами компанию им составлял не менее опасный и смертельный враг – дизентерия. Длинный лук был высотой до двух метров, обычно из тиса или вяза, со стрелами из ясеня. Лучшими лучниками традиционно считались валлийцы. Для натяжения такого лука нужны были богатырские плечи, титанические усилия со временем изменяли телосложение лучника. Такой лук значительно превосходил по эффективности арбалет: лучник мог посылать до десяти стрел в минуту, тогда как арбалетчик – только две. Стрелы могли пробить обычные доспехи с расстояния в 180 метров. Лучники были настолько важным элементом военной машины англичан, что Эдуард пренебрегал остальными видами спорта, включая игру в мяч, и поощрял мужчин оттачивать мастерство в стрельбе из лука.

Свой первый крупный завоевательный поход во Францию Эдуард начал в 1346 г. С 10-тысячной армией он дошел до стен Парижа. Но эти стены оказались неприступными для английских стрел, а английское войско косила дизентерия. Эдуард отступил к реке Сомма, где у местечка Креси его встретила французская армия. В битве при Креси цвет французской кавалерии при поддержке арбалетчиков столкнулся с отрядами английских лучников. Фруассар пишет, что англичане осыпали французов градом стрел, «таким густым, что он казался снегом».

Пятнадцать раз французская кавалерия бросалась в атаку, но кони были так же уязвимы для стрел, как и пехота. Рыцари и знать полегли за считанные минуты, причем Эдуард пожалел, что с их смертью пропадают деньги, которые можно было получить за выкуп пленных. В те времена финансирование войны за счет денег от выкупа пленных было обычной практикой. Говорили, что в битве при Креси пали десять тысяч французских воинов против всего ста с английской стороны. Военные историки считают, что до изобретения орудия Гатлинга армия не применяла такой массированной стрельбы на поле боя. В бою при Креси погиб союзник французского короля, слепой король Богемии. Это так потрясло 16-летнего старшего сына Эдуарда, будущего Черного принца, что он использовал черный герб со страусовыми перьями богемского короля как элемент собственного герба вместе с немецким девизом «Ich dien» («Я служу»). И герб, и девиз до сих пор можно видеть на личном гербе принца Уэльского.

Эдуард осадил Кале. Именно из этого портового города французы совершали пиратские нападения на английские корабли, перевозившие шерсть. Осада продолжалась целый год, прежде чем в августе 1347 г. Кале наконец был готов сдаться. Кульминацией стал эпизод, когда, по требованию Эдуарда, шестеро знатнейших горожан пришли в лагерь англичан нагими и с веревками на шее и принесли ключи от города, чтобы спасти остальных жителей. Король принял их предложение, но жена Эдуарда, Филиппа, опустилась на колени и умоляла пощадить парламентариев в награду за их мужество. Город пощадили, а шестерых смельчаков забрали в Англию в качестве заложников. В 1889 г. эта история послужила сюжетом для скульптуры Родена. Одна из ее копий стоит в саду на берегу Темзы возле Вестминстерского дворца. Кале и его важнейший рынок, где заключались оптовые сделки, в течение двухсот лет, до правления королевы Марии, находились под властью английской короны.

Король вернулся домой триумфатором, «прекрасным рыцарем без страха и упрека», как писал Жан Фруассар, автор знаменитых хроник о Столетней войне. «Со времен короля Артура страна не знала такого доблестного правителя», – добавил Фруассар сравнение, которое в то время звучало уже почти как клише. Эдуард подумывал даже создать Круглый стол рыцарей

и превратил старинный замок в нормандском стиле в Виндзоре в точную копию Камелота с башнями, ошестившимися зубцами и бойницами. За постройку башен отвечал молодой придворный по имени Джеффри Чосер. Через два года после битвы при Креси, в 1348 г., Эдуард учредил рыцарский орден в честь подвязки, которая соскользнула с ножки придворной красавицы графини Солсбери. Дама была в смущении, но король выручил ее. Он надел ее подвязку себе на ногу, заметив: «Noni soit qui mal y pense» («Пусть устыдится тот, кто подумает дурное»). Покровителем ордена Подвязки стал покровитель крестоносцев и всей Англии святой Георгий. А графиня Солсбери, также известная как Джоанна, Прекрасная дева Кента, позже стала женой Черного принца.

Несмотря на победу при Креси, Эдуард никак не мог довести войну до победного конца. Он нанес поражение конным рыцарям, но не смог покорить всю страну. Даже сегодня, пересекая северо-восток Франции, поражаешься ее бескрайним просторам. Английским войскам нужно было перемещаться по разоренной и разграбленной стране, им приходилось полагаться на военную добычу и выкуп пленников, чтобы оплачивать каждую кампанию. Вскоре источники дохода просто иссякли. Уже этой причины достаточно, чтобы понять, почему англичанам не удалось одержать окончательную победу в Столетней войне. Стремление воевать стало скорее профессиональной пагубной привычкой, заменив собой реальную стратегию.

Но в 1348 г. эта пагубная привычка была побеждена страшной болезнью. Эпидемия чумы неслыханной силы вспыхнула жарким летом того года. Болезнь попала в Европу с Дальнего Востока вместе с крысами в трюмах торговых кораблей. Первыми пострадали портовые города. За несколько недель Бристоль потерял около 40 % населения, так же как и Уэймут. Моровое поветрие распространялось по Англии, опустошая поселения и деревни. Население, по некоторым оценкам, уменьшилось с 5,5 миллиона до 4 миллионов человек, по отношению к общей численности это было самое значительное сокращение населения в истории страны. Черная смерть очень скоро отразилась на экономике страны. Недостаток рабочей силы привел к увеличению заработной платы почти вдвое и одновременно к сокращению цены на землю и арендной платы. В 1351 г. парламент, оказавшись в отчаянном положении, принимает статут, запрещающий работникам переходить с места на место. Закреплялись феодальные договоры, а оплата труда наемных рабочих фиксировалась на уровне, существовавшем до эпидемии. Эти меры принесли кратковременный успех, только в Эссексе каждый восьмой взрослый был оштрафован. Но вскоре закон пал жертвой рыночных отношений. Наличие свободных земель при отсутствии необходимости кормить лишние рты привело к сокращению цен на продовольствие, и многим землевладельцам пришлось продать свои фермы арендаторам.

Историки спорят, повлияла ли Черная смерть на расстановку политических сил в Англии, возможно ускорив падение феодализма и серьезно пошатнув веру в церковные догматы. Эпидемия, несомненно, повлияла на появление двух сословий – йоменов, владеющих собственными наделами земли, и ремесленников-специалистов. Работники отказывались повиноваться своим лордам и перебирались в новые места в поисках более высоких заработков, трудоемкое пахотное земледелие сменялось овцеводством. Шерсть стала для средневековой Англии тем же, чем нефть для современной Аравии. Она превратилась в главную статью английского экспорта и основу процветания страны. С тех пор лорд-канцлер в палате лордов сидит на мешке с шерстью, чтобы не забывали, на чем зиждется его власть. Что касается религии, то трудно найти свидетельства тому, что в этот период вера серьезно ослабела. Вскоре после того, как Черная смерть отступила, снова начали строить церкви, часовни и колледжи, средства на которые жертвовали разбогатевшие торговцы. А вот люди, критично настроенные по отношению к церкви, действительно появились именно в середине XIV в. Речь идет о Джоне Уиклифе и его последователях, известных как лолларды (от голландского «бормочущие»). Уиклиф бросил вызов Римско-католической церкви и призывал к неповиновению других священников. Паства толпами стекалась в церкви, чтобы послушать новые идеи, заполняя просторные нефы новых

готических церквей. Окна храмов украшали витражи с изображениями сцен из Библии, щедрых жертвователей и членов их семей. В 1390-х гг. говорили, что в Англии «каждый второй был лоллардом». Уиклиф сделал первый перевод Библии на английский язык, и уже за одно это его следовало бы назвать «утренней звездой Реформации». Английским монархам всегда была близка идея, что Римско-католическая церковь, вопреки ее собственному вероучению, чересчур богата.

Ни чума, ни религиозный скептицизм не уменьшили воинственность Эдуарда, он по-прежнему рвался в бой. Король не прекращал устраивать рыцарские турниры даже в разгар эпидемии, его гости лишь скрывали лица под плотными масками. В 1355 г. он позволил своим сыновьям, Черному принцу и Джону Гонту, снова начать боевые действия во Франции. Принцы занимались грабежом и мародерством в Бретани, Гаскони, Арманьяке, проникли в самое сердце Лангедока, где сожгли прекрасный город Каркасон. Только в 1356 г., когда новый французский король Иоанн II сразился с Черным принцем у Пуатье, уже значительно поредевшая английская армия впервые оказалась лицом к лицу с регулярным французским войском. И снова несколько тысяч английских воинов нанесли французам поражение, еще более впечатляющее, чем при Креси. В этой битве тоже доминировали английские лучники, но при этом талант Черного принца в маневрировании пехотой и кавалерией совершенно обескуражил французов. Французский король был захвачен в плен и отправлен в лондонский Тауэр, где присоединился к другому пленнику, королю Шотландии Давиду, сыну Роберта I Брюса. Пленники наглядно свидетельствовали о военных успехах Англии.

Эдуард был на пике славы, но теперь он «откусил больше, чем мог прожевать». Штурм стен Парижа истощил силы его армии, а захваченные им французские провинции были начисто разорены войной и не могли снабжать провиантом армию захватчиков. Эпидемия в армии вынудила короля отступить и согласиться на мирный договор, который и был подписан в 1360 г. возле французской деревни Бретиньи. Короля Иоанна выкупили, а Англия получила значительную часть территории Франции к югу от Пуату – бывшее герцогство Аквитания, которое когда-то принадлежало Генриху II. Со своей стороны, Эдуард отказался от Анжу, Бретани, Нормандии, а также от претензий на французский трон. В 1362 г. был принят указ, согласно которому языком судопроизводства становился английский язык, а не французский, как прежде. А годом позже заседание парламента открылось уже на английском языке, хотя, как ни парадоксально, сам закон был написан на французском языке и на французском же по-прежнему произносились парламентские речи.

В 1369 г. умирает жена Эдуарда Филиппа, и стареющий король попадает под влияние своей любовницы Алисы Перрерс. Вскоре Эдуард снова заявляет свои права на французский престол и посылает сыновей в очередную военную кампанию в Аквитанию. Их деяния воистину ужасны. В 1370 г. Черный принц жестоко расправился с жителями Лиможа, убив всех до последнего человека, что окончательно лишило его репутации благородного рыцаря, если только она у него была. Но удача отвернулась от англичан. Французы использовали размеры территории и отсутствие запасов продовольствия, чтобы измотать англичан, и голодающие солдаты постепенно превращались в настоящих бандитов. К 1375 г. из-за болезней и голода Джон Гонт, один из сыновей короля, потерял половину своей армии, а с ней – и большую часть Аквитании. Принцы вернулись в Англию. Там они столкнулись с мощной оппозицией в лице баронов и купцов, которые требовали отчета за бессмысленную и разорительную войну, длящуюся уже почти столетия.

Эдуарду приходилось регулярно созывать парламенты, чтобы те выделяли деньги на военные нужды. Но парламент, который собрался в Вестминстере в 1376 г., так называемый «хороший парламент», категорически воспротивился войне во Франции. Этот парламент избрал первого спикера палаты общин и предъявил обвинения сторонникам Джона Гонта, которые ратовали за продолжение войны. Парламент потребовал удалить от двора расточи-

тельную Алису Перрерс, которая, по слухам, получала от казначейства огромные суммы – до 2000 фунтов в год. Но едва парламент заявил о своих требованиях, как его заседания были прерваны сообщением о смерти Эдуарда Черного принца. Престарелого Эдуарда хватил удар, и власть могла перейти к 9-летнему сыну Черного принца, Ричарду, а его дядя Джон Гонт стал бы законным регентом при племяннике.

Гонт был настоящим исполином Средних веков. Он был лишен харизмы воина, присущей отцу и старшему брату, но благодаря своей первой жене, Бланш, возглавил могущественный дом Ланкастеров, владевший тридцатью замками и имевший в своем распоряжении почти 4000 воинов. Овдовев, Гонт женился на дочери короля Кастилии и требовал, чтобы к нему обращались «ваше величество король Испании», хотя он так и не смог доказать свое право на такой титул и завоевать эту страну. В то же время у него было четверо детей от любовницы, англичанки Кэтрин Суинфорд, все четверо получили фамилию Бофорт. После того как в 1394 г. испанская супруга принца умерла, Гонт женился на Суинфорд и убедил парламент признать своих детей законнорожденными. Все последующие английские монархи были потомками Джона Гонта и его жен.

И все же Гонт, как и почти все представители династии Плантагенетов, был начисто лишен таланта политика. Спустя год после роспуска «хорошего парламента», созванного покойным Черным принцем, Гонт собирает так называемый «плохой парламент», в котором участвуют его сторонники. Этот парламент разрешил вернуться Алисе Перрерс, выдвинул обвинение спикеру и отправил в ссылку лорд-канцлера, могущественного и богатого Уильяма Уикема. Чтобы собрать средства и возобновить войну с Францией, вводится также подушный налог. Налог составлял четыре пенсы с каждого англичанина старше четырнадцати лет.

В июне 1377 г. немощный Эдуард наконец умирает. Он оставляет страну, которую привел к пику воинской славы, но при этом загнал в западню: безнадежная война, обременительные долги – все это предвестники внутренней смуты. Кроме того, достижения даже самого великого из средневековых королей не имели значения без надежного преемника и структуры управления, способной обеспечить продолжение его политики. Сын Черного принца, 10-летний Ричард, не мог гарантировать ни того ни другого.

От крестьянского восстания до потери Франции 1377–1453 гг

Ричарда II (1377–1399) часто сравнивают с Эдуардом II, и не только потому, что оба, как полагают, были гомосексуалистами. Оба они были не самыми подходящими кандидатурами для средневековой монархии. На коронации Ричарда всем заправлял его дядя Джон Гонт. Ребенок так устал от этой церемонии, что заснул, и его несли на пир, устроенный в честь нового короля. Личность Гонта вызывала столь сильные подозрения, что совет отказал ему в официальном регентстве. Чтобы противостоять угрозе всенародного восстания против единовременного подушного налога, был назначен совет двенадцати, в который Гонт не вошел.

В 1381 г. размер подушного налога увеличили до одного шиллинга, и это вызвало крестьянское восстание, первый спонтанный бунт против нормандских хозяев, охвативший большую часть англосаксонской Англии. Бунтовщиками стали не крестьяне, а разрозненные группы ремесленников, которые уже ранее, после эпидемии чумы, восставали против закона о работниках – закона, в котором закреплялась рабская зависимость от феодала. Согласованности в действиях восставших практически не было. На Лондон они шли из разных графств на юго-востоке страны под руководством предводителей, имена которых стали легендой левых партий: Уот Тайлер, Джон Болл, Джек Строу. Ироническое рифмованное двустишие Болла дошло до нас через века: «When Adam delved and Eve span, who was then the gentleman?» («Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был дворянином?») В течение двух дней в июне 1381 г. в Лондоне царили анархия и жестокость. Власть в городе отсутствовала. Толпа захватила Тауэр, убила архиепископа Кентерберийского, а Савойский дворец Гонта на Стрэнде сожгла дотла.

Ричард, которому тогда было всего четырнадцать лет, продемонстрировал удивительное мужество. Вопреки рекомендациям королевского совета, он практически в одиночку встретился с восставшими. Король пообещал удовлетворить их требования, в частности освободить от подушного налога и отменить крепостное право. Мятежники успокоились и договорились о встрече на следующий день на поле Смитфилд. Но, когда Тайлер подошел к королю, завязалась перепалка с мэром Лондона. Тайлер попытался его заколоть, но мэр убил бунтовщика. В последовавшем смятении король снова показал себя с лучшей стороны. Он вышел к толпе как «ваш командир и ваш король». В результате, хотя в провинциях продолжались отдельные вспышки недовольства по поводу подушного налога, мнимая готовность Ричарда идти на компромиссы помогла сохранить относительный порядок. Когда удалось усмирить народные волнения, бунтовщики были наказаны, а все договоренности отменены как заключенные «по принуждению». Позже в своей речи в парламенте король провозгласил: «Крепостными вы были, крепостными и останетесь. Отныне ваша рабская зависимость будет несравненно более суровой. Ибо, пока мы живы, мы постараемся всеми силами и способами примерно наказать вас». Эти слова не были рассчитаны на то, чтобы задобрить общественное мнение.

Когда Ричард повзрослел, стало понятно, что он начисто лишен качеств, необходимых воину. Он вырос утонченным эстетом. Лицо его, как описывают, «круглое и женоподобное, иногда заливал яркий румянец», говорил он «отрывисто, часто запинаясь». Король обладал замечательными способностями к искусству и архитектуре, однако в решающие моменты своего правления иногда проявлял фатальную некомпетентность. В 1382 г. в возрасте пятнадцати лет он женился на Анне Чешской, но гораздо больше внимания уделял молодому придворному Роберту де Веру, маркизу Оксфорду. Этот юноша и Майкл де Ла Поль, сын купца, которому был пожалован титул графа Саффолка, стали постоянными товарищами короля, доминируя в сообществе, которое больше походило на нынешнее студенческое братство, чем на

королевский двор. Джон Гонт находился в Испании, и при дворе довольно быстро сформировалась оппозиция, которую возглавили другой дядя короля, герцог Глостер, а также сын Гонта от первого брака Генрих Болингброк Ланкастер. Эти аристократы всячески высмеивали друзей короля, называя их «скорее рыцарями Венеры», чем рыцарями-воинами. Оппозиционеры вступили с монархом в борьбу, в конце концов завершившуюся падением и Оксфорда, и Саффолка. Фавориты короля отправились в ссылку, униженный король оказался не в состоянии их защитить.

Как и во время крестьянского восстания, Ричард продемонстрировал внезапную решимость, но, как выяснилось впоследствии, неспособность к стратегическому мышлению. При поддержке вернувшегося из Испании Гонта он объявил своему совету, что теперь, когда ему исполнилось двадцать два года, он уже достаточно взрослый, «чтобы управлять собственным домом, не говоря о собственном королевстве». Он провозгласил, что управление всей страной теперь лежит «на нем лично», нарушая тем самым давнее соглашение, на котором основывалось правление династии Плантагенетов. Воскрешение давней вражды, в свое время разгоревшейся между Эдуардом II и его баронами, не сулило ничего хорошего.

В архитектуре Ричард демонстрировал удивительное пристрастие к пламенеющей готике. Он пригласил первого широко известного английского архитектора Средневековья Генри Йевела закончить кровельное перекрытие Вестминстерского дворца. Это перекрытие было одной из самых больших безопорных конструкций в Европе того времени. В честь окончания строительства в 1396 г. был устроен роскошный пир. Ричард также заказал уилтонский диптих, который считается шедевром средневекового искусства. Канцлер Уильям Уикем, которого Ричард снова вернул ко двору, основал колледжи в Винчестере и Новый колледж в Оксфорде, а также ввел новые стандарты качества обучения.

Примерно в это время был создан поэтический шедевр Джеффри Чосера «Кентерберийские рассказы» (The Canterbury Tales), один из первых литературных памятников на общепольском языке. В отличие от большинства европейских народов того времени Англия теперь могла похвастаться наличием общего языка, что оказало бесценную помощь в объединении народа в единую нацию. «Кентерберийские рассказы» – это истории, рассказанные паломниками, направляющимися на поклонение мощам святого Томаса Бекета в Кентербери, красочное описание жизни позднего Средневековья. В поэме описано крестьянское восстание и осмеивается английская церковь: как замечает автор, «... братья с бесами одной породы»¹⁵. Как и его современник Джон Уиклиф, Чосер изображает английское средневековое общество открытым и процветающим, относящимся к власти с юмором. В перерыве между активными боевыми действиями в Столетней войне богачи освобождались от налогов, городские гильдии и религиозные общины тратили значительные средства на возведение часовен и учреждение колледжей. Англия постепенно оправлялась от ужасов чумы и войны и теперь являла собой нечто большее, чем просто небольшой остров у северного побережья Европы.

¹⁵ Перевод И. Кашкина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.